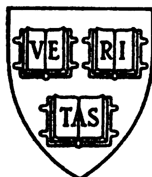

HDI
HL 1R09 B

VE RI
TAS

Авторское Право.

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ

С.-Петербургскаго Литературнаго Общества

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА ЗАКОНА

ОБЪ

АВТОРСКОМЪ ПРАВѢ.

Съ приложеніемъ проекта объ авторскомъ правѣ, внесённаго Министромъ Юстиціи въ Государственную Думу.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Т-во Художественной Печати», Ивановская, 14.
1908.

Авторское Право.

ДОКЛАДЪ КОММИССІИ

S.-Peterburgskoe literaturnoe obshchestvo

С.-Петербургскаго Литературнаго Общества

ПО ПОВОДУ ПРОЕКТА ЗАКОНА

ОБЪ

АВТОРСКОМЪ ПРАВѢ.

Съ приложеніемъ проекта объ авторскомъ правѣ, внесеннаго Министромъ Юстиціи въ Государственную Думу.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
«Т-во Художественной Печати», Ивановская, 14.
1908.

Министерство Юстиціи внесло въ Государственную Думу проектъ закона объ авторскомъ правѣ. С.-Петербургское Литературное Общество, желая выяснить, насколько проектъ отвѣчаетъ общимъ интересамъ литературы—и насколько въ немъ приняты во вниманіе профессіональные интересы писателей, подвергло его на четырехъ засѣданіяхъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ 1908 г. обстоятельному разсмотрѣнію. На этихъ собраніяхъ членомъ Государственной Думы О. Я. Пергаментомъ и членами Литературнаго Общества В. В. Водовозовымъ, П. Г. Мижуевымъ и Е. П. Семеновымъ были прочитаны спеціальные доклады какъ о законопроектѣ въ цѣломъ, такъ и объ отдѣльныхъ его частяхъ. Доклады вызвали оживленный и разносторонній обмѣнъ мнѣній, въ которомъ приняли участіе какъ члены Общества, такъ и нѣкоторые не входящіе въ его составъ литераторы и ученые. Когда вопросъ былъ выясненъ въ достаточной степени, Литературное Общество избрало спеціальную комиссію для представленія ему доклада, въ которомъ министерскій проектъ былъ бы разсмотрѣнъ во всѣхъ деталяхъ и который могъ бы послужить членамъ Государственной Думы матеріаломъ при обсужденіи министерскаго проекта. Министерскій проектъ является далеко не безупречнымъ не только по содержанію, но и съ точки зрѣнія редакціонной, и, можетъ быть, было бы правильнѣе составить законопроектъ, который въ бо̀льшей степени удовлетворялъ бы требованіямъ, предъявляемымъ современной юриспруденціей текстамъ законодательныхъ актовъ. Но, исходя изъ соображеній практическихъ, Литературное Общество, поручило своей комиссіи не составленіе такого новаго проекта, а подробное разсмотрѣніе

по статьямъ проекта министерскаго, имѣя въ виду, что Государственнная Дума будетъ разсматривать именно его.

Министерскій проектъ охватываетъ авторское право не только на литературныя произведенія, но и на произведенія музыкальныя, художественныя въ тѣсномъ смыслѣ слова и фотографическія. Литературное Общество предложило комиссіи ограничиться исключительно авторскимъ правомъ на произведенія литературныя. Комиссія, разсмотрѣвъ проектъ, отказалась, сверхъ того, отъ разсмотрѣнія четвертой главы проекта о „Правѣ публичнаго исполненія драматическихъ, музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній", находя, что въ Россіи существуетъ нѣсколько спеціальныхъ обществъ драматическихъ писателей, которыя гораздо компетентнѣе въ разсмотрѣніи этого вопроса.

Въ составъ комиссіи были избраны: Н. Ф. Анненскій, С. А. Венгеровъ, В. В. Водовозовъ, С. Ф. Либровичъ, П. Г. Мижуевъ, П. Н. Милюковъ, В. А. Мякотинъ, Е. П. Семеновъ. Комиссія, избравъ предсѣдателемъ С. А. Венгерова, секретаремъ Е. П. Семенова, приступила къ своимъ занятіямъ. Комиссія разсмотрѣла какъ новый министерскій проектъ закона объ авторскомъ правѣ, такъ и его прототипъ, проектъ 1898 года, и приняла во вниманіе мнѣнія, которыя были высказаны въ закрытомъ въ 1901 году Союзѣ Писателей по поводу проекта 1898 г. Трудъ по составленію доклада комиссія раздѣлила между отдѣльными своими членами, а затѣмъ, послѣ ряда засѣданій, на которыхъ всѣ отдѣльныя части доклада были подвергнуты подробному обсужденію, окончательную сводку всего матеріала поручила В. В. Водовозову, который былъ избранъ также ея докладчикомъ на общихъ собраніяхъ Литературнаго Общества.

Докладъ, окончательно утвержденный комиссіей, былъ предназначенъ къ прочтенію на общемъ засѣданіи Литературнаго Общества 5 мая 1908 года. Удалось прочитать только первую половину его, которая вызвала очень живой обмѣнъ мнѣній. Назначить

слѣдующее общее собраніе въ ближайшіе же дни оказалось невозможнымъ въ виду лѣтняго времени, и потому пришлось отложить его на осень. Особеннаго неудобства это не представляетъ, такъ какъ проектъ долженъ обсуждаться въ Государственной Думѣ не ранѣе осени.

Хотя, такимъ образомъ, докладъ комиссіи въ цѣломъ еще не принятъ общимъ собраніемъ Литературнаго Общества, но комиссія считаетъ болѣе удобнымъ его напечатать теперь же какъ въ интересахъ самого Литературнаго Общества, которое получаетъ возможность обсуждать его, имѣя въ рукахъ его печатный текстъ, такъ и въ интересахъ тѣхъ членовъ Государственной Думы, которые пожелаютъ заблаговременно подготовиться къ обсужденію правительственнаго проекта.

Какъ уже было сказано выше, комиссія Литературнаго Общества, руководствуясь постановленіемъ общаго собранія, подвергла разсмотрѣнію только тѣ статьи правительственнаго проекта, которыя непосредственно касались авторскаго права на произведенія литературныя, и то за исключеніемъ статей, касающихся права постановки драматическихъ произведеній на сценѣ. Тѣмъ не менѣе комиссія считаетъ нужнымъ напечатать самый текстъ правительственнаго проекта цѣликомъ, какъ въ виду практическаго удобства читателей, такъ и въ особенности въ виду того, что правительственный проектъ напечатанъ въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ для раздачи членамъ Гос. Думы и Гос. Совѣта и въ продажу не поступалъ.

Въ приложеніи къ докладу печатаются особое мнѣніе члена комиссіи Е. П. Семенова, который не согласился съ большинствомъ комиссіи по вопросу о правѣ перевода, и особое мнѣніе С. Ф. Либровича, по поводу ст. 18 проекта, регламентирующей право издателя дѣлать измѣненія въ издаваемой имъ книгѣ безъ согласія автора.

Для ясности, докладу предпосылаются главные выводы комиссіи въ видѣ особыхъ тезисовъ.

Текстъ министерскаго проекта печатается цѣли-

комъ въ видѣ приложенія въ концѣ настоящей брошюры; въ текстѣ же брошюры печатаются лишь тѣ его статьи, которыя вызвали замѣчанія Комиссіи и печатаются параллельно съ предлагаемымъ комиссіею измѣненнымъ текстомъ. Жирнымъ шрифтомъ въ министерскомъ проектѣ печатаются тѣ его мѣста, которыя, по мнѣнію комиссіи, нуждаются въ измѣненіи, въ текстѣ комиссіи—мѣста, ею измѣненныя.

Въ виду того, что еще предстоитъ, осенью текущаго года, обсужденіе настоящаго доклада въ общихъ собраніяхъ Литературнаго Общества, Коммиссія будетъ очень благодарна за всякія присланныя ей замѣчанія.

Просятъ направлять эти замѣчанія по адресу: С.-Петербургъ, Разъѣзжая, 39. Семену Аѳанасьевичу Венгерову.

Тезисы.

1) Авторское право не есть право собственности, это есть jus sui generis.

2) Право на переводъ въ составъ авторскаго право входить не должно и должно быть свободнымъ.

3) Срокъ авторскаго права долженъ быть ограниченъ 30-ю годами, послѣ смерти автора, вмѣсто существующаго 50-лѣтняго.

4) Авторское право послѣ смерти автора, въ случаѣ отсутствія завѣщанія, должно переходить только къ женѣ и ближайшимъ родственникамъ автора: родителямъ, дѣтямъ, братьямъ, сестрамъ, племянникамъ и племянницамъ; при отсутствіи таковыхъ родственниковъ сочиненія, являющіяся предметомъ авторскаго права, должны дѣлаться выморочными.

5) Произведеніе умершаго автора, отсутствующее на книжномъ рынкѣ въ теченіе опредѣленнаго, болѣе или менѣе значительнаго срока, должно дѣлаться общимъ достояніемъ, и авторское право на него должно прекращаться.

6) Рѣчи, произнесенныя на публичныхъ собраніяхъ, за исключеніемъ научныхъ лекцій и прочитанныхъ беллетристическихъ произведеній, должны признаваться общимъ достояніемъ; только изданіе сборника рѣчей одного и того же оратора въ видѣ особой книги должно считаться исключительнымъ правомъ оратора.

Замѣчанія комиссіи С.-Петербургскаго Литературнаго Общества на проектъ министра юстиціи объ авторскомъ правѣ.

Проектъ министра юстиціи объ авторскомъ правѣ долженъ замѣнить собою старинный (1830 г. [1]) съ позднѣйшими видоизмѣненіями законъ „о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности, художествъ и искусствъ", включенный нынѣ (1887 г.) въ гражданскіе законы (Св. зак., т. X, ч. I, изд. 1900 г.) въ видѣ особаго приложенія къ ст. 420.

Настоящій проектъ министра юстиціи, представляющій изъ себя переработку проекта 1898 года, выгодно отличается отъ дѣйствующаго закона прежде всего тѣмъ, что онъ отказывается отъ признанія авторскаго права правомъ собственности и, въ полномъ согласіи съ современными юридическими воззрѣніями, признаетъ его за jus sui generis.

Дѣйствующій законъ разработанъ крайне неудовлетворительно, какъ съ внѣшней, редакціонной стороны,

---

[1]) Первый законъ объ авторскомъ правѣ въ Россіи былъ выработанъ въ 1828 г. и назывался „о правахъ сочинителей". Въ 1830 г. онъ былъ переработанъ и опубликованъ подъ именемъ закона „о правахъ сочинителей, переводчиковъ и издателей". Дополненъ законами 1845 и 1848 г. о правахъ музыкальной и художественной собственности. Въ нынѣ дѣйствующемъ законѣ „о правѣ собственности на произведенія наукъ и т. д." всѣ ссылки подъ статьями сдѣланы на законъ 1830 года, какъ на первоисточникъ (а также на законы 1845 и 1846), хотя различіе между законами 1828 и 1830 ничтожно, и дѣйствительнымъ первоисточникомъ долженъ считаться законъ 1828 г.

такъ и со стороны содержанія; онъ полонъ внутреннихъ противорѣчій, вызывающихъ при примѣненіи на практикѣ безконечный рядъ недоразумѣній, съ которыми нерѣдко не умѣютъ справляться сами суды. Въ немъ совершенно не разработанъ или разработанъ крайне неправильно вопросъ о законныхъ заимствованіяхъ и противозаконномъ плагіатѣ, о произведеніяхъ, являющихся результатомъ совмѣстнаго труда нѣсколькихъ авторовъ и т. д. Проектъ министра юстиціи замѣняетъ путаницу дѣйствующаго закона сравнительно стройной системой, въ общемъ удовлетворительно редактированной, хотя и не безъ нѣкоторыхъ и, даже довольно крупныхъ, частныхъ дефектовъ, и частью пополняетъ указанные пробѣлы.

Важнѣйшихъ измѣненій, вносимыхъ проектомъ въ самую сущность системы авторскаго права, если не считать заполненія указанныхъ пробѣловъ, можно отмѣтить пять.

1) Дѣйствующій законъ признаетъ авторское право въ предѣлахъ Россіи только на произведенія, изданныя въ предѣлахъ Россіи-же. Перепечатка книгъ, напечатанныхъ за границей, признается по дѣйствующему праву совершенно закономѣрной. Проектъ министра юстиціи распространяетъ авторскія права на произведенія, вышедшія въ свѣтъ за границей и принадлежащія какъ авторамъ, состоящимъ въ русскомъ подданствѣ (ст. 4), такъ и иностраннымъ поданнымъ (ст. 30). Правда, наши издатели отсутствіемъ соотвѣтственнаго законоположенія пользовались сравнительно мало, и весьма ходкія въ Россіи произведенія Зола, Додэ, Мирбо и другихъ иностранныхъ авторовъ въ подлинникахъ въ предѣлахъ Россіи никогда не перепечатывались. Но возможность такой перепечатки была, и отдѣльныя случаи ея (напримѣръ, по отношенію къ французской грамматикѣ Ноэля и Шапсаля), дѣйствительно, имѣли мѣсто. Гораздо чаще однако она практиковалась по отношенію къ произведеніямъ русскихъ писателей, издавшихъ свои произведенія за границей. Книги кн. Кропоткина, Степняка и др. нерѣдко перепечатывались въ Россіи безъ разрѣшенія авторовъ или ихъ правопреемни-

ковъ, чѣмъ существенно затрогивались ихъ интересы. Положить предѣлъ этому, по мнѣнію комиссіи Литературнаго Общества, слѣдовало, и проектъ въ этомъ отношеніи сталъ на правильную почву.

2) Нынѣ дѣйствующій законъ признаетъ самовольнымъ изданіемъ (контрафакціей) „если кто, безъ согласія сочинителя, напечатаетъ произнесенную или читанную имъ публично рѣчь, или иное сочиненіе“ (ст. 13). Проектъ же признаетъ рѣчь, произнесенную публично, общимъ достояніемъ и предоставляетъ каждому право ея печатанія въ повременныхъ изданіяхъ безъ согласія оратора, охраняя только право послѣдняго на печатаніе своихъ рѣчей въ видѣ отдѣльныхъ брошюръ, или сборника своихъ рѣчей или произведеній (ст. 36). Комиссія Литературнаго Общества считаетъ, что проектъ министерства юстиціи въ этомъ отношеніи сталъ на правильную дорогу, хотя сдѣлалъ не всѣ необходимые выводы изъ правильнаго положенія. (Объ этомъ ниже, при разсмотрѣніи статьи 36).

3) Дѣйствующій законъ связываетъ судъ при разсмотрѣніи дѣлъ о нарушеніи авторскихъ правъ, главнымъ образомъ незаконнаго заимствованія (плагіата) и контрафакціи, цѣлымъ рядомъ формальныхъ условій, по которымъ опредѣляется наличность такого нарушенія, и благодаря этому нерѣдко лишаетъ судъ возможности его признанія даже тамъ, гдѣ оно, несомнѣнно, имѣетъ мѣсто. Проектъ въ этомъ отношеніи становится тоже на правильную дорогу, предоставляя суду значительный просторъ.

Рядомъ съ этими измѣненіями, являющимися достоинствами новаго проекта, комиссія считаетъ нужнымъ отмѣтить слѣдующія нововведенія, которыя являются его недостатками:

4) Новый проектъ фактически удлиняетъ срокъ дѣйствія авторскаго права, хотя всего на нѣсколько мѣсяцевъ, посредствомъ новаго способа исчисленія момента, съ котораго начинается его теченіе для правопреемниковъ автора (ст. 16). По мнѣнію комиссіи, срокъ дѣйствія авторскаго права нуждается не

въ удлиненіи, хотя-бы и незначительномъ, а въ сокращеніи.

5) До сихъ поръ право перевода у насъ не входило въ понятіе авторскаго права, и переводъ признавался какъ бы новымъ произведеніемъ, право на которое принадлежало каждому лицу, независимо отъ согласія автора. Этотъ принципъ распространялся какъ на произведенія иностранныхъ авторовъ, такъ и на произведенія русскихъ подданныхъ, выпускающихъ свои произведенія за границей, или въ предѣлахъ Россіи. Произведенія польскихъ авторовъ (Сенкевича, Элизы Ожешко и др.), вышедшія въ свѣтъ въ предѣлахъ Россійской Имперіи, свободно, безъ согласія авторовъ, переводились на русскій и другіе языки въ предѣлахъ той-же Россійской Имперіи; и обратно—произведенія русскихъ авторовъ (Льва Толстого, Тургенева, Короленко и др.), свободно, безъ спроса у авторовъ, переводились не только за границей на нѣмецкій, французскій и др. языки, но также на польскій, латышскій, армянскій и др. языки, распространенные въ Россіи, и издавались въ предѣлахъ той-же Россійской Имперіи.

Единственное исключеніе изъ этого принципа было сдѣлано въ ст. 18 дѣйствующаго закона, гласившей: „Книга, перепечатанная [1]) въ Россіи можетъ быть издана въ переводѣ на какой-либо другой языкъ, только безъ приложенія оригинальнаго текста. Сочинители такихъ книгъ, для которыхъ были необходимы особенныя ученыя изысканія, имѣютъ исключительное право на изданіе оныхъ въ Россіи и на другихъ языкахъ; но о намѣреніи своемъ воспользоваться своимъ правомъ они должны объявить при изданіи оригинальной книги и выдать свой переводъ до истеченія двухъ лѣтъ со времени полученія позволительнаго изъ цензуры билета на выпускъ подлинника“. Такимъ образомъ ограничивались до нѣкоторой,—не особенно, впрочемъ, значительной степени,—права перевода научныхъ сочиненій, изданныхъ въ подлин-

---

[1]) Слово „перепечатанный“ употреблено здѣсь, очевидно. вмѣсто слова „напечатанный“.

никѣ въ предѣлахъ Россіи. Переводы сочиненій беллетристическихъ, публицистическихъ и др. не ограничивались вовсе.

Проектъ, какъ уже сказано, признаетъ, что право перевода входитъ однимъ изъ элементовъ въ понятіе авторскаго права, и устанавливаетъ, что „авторъ сочиненія, изданнаго въ Россіи, а также русскій подданный, напечатавшій свое сочиненіе за-границею, пользуются исключительнымъ правомъ перевода его на другіе языки, если на заглавномъ листѣ, или въ предисловіи сочиненія, заявили о сохраненіи за собою этого права. Исключительное право перевода принадлежитъ автору въ теченіе десяти лѣтъ со времени изданія подлинника, подъ условіемъ напечатанія перевода авторомъ въ продолженіе пяти лѣтъ со времени изданія подлинника“ (ст. 31).

По отношенію къ иностраннымъ произведеніямъ право перевода не ограничено; но проектомъ предусмотрѣна возможность заключенія конвенцій съ иностранными государствами, которыя это право ограничиваютъ (ст. 33); такимъ образомъ, изъ проекта вытекаетъ возможность и даже, можно сказать, неизбѣжность такого ограниченія въ недалекомъ будущемъ. Это нововведеніе проекта комиссія Литературнаго Общества считаетъ крайне нежелательнымъ, даже прямо вреднымъ. (Объ этомъ ниже, при постатейномъ разсмотрѣніи проекта, ст. 2).

Отмѣтивъ такимъ образомъ здѣсь важнѣйшія измѣненія, вносимыя проектомъ въ систему авторскаго права, комиссія считаетъ необходимымъ здѣсь-же отмѣтить, что въ двухъ важныхъ случаяхъ проектъ стоитъ на почвѣ дѣйствующаго закона въ то время, какъ слѣдовало-бы отъ него отойти.

1) Дѣйствующій законъ, приравнивающій авторское право къ праву собственности, признаетъ для него тотъ же самый порядокъ наслѣдованія, что и для всѣхъ остальныхъ объектовъ права собственности. Между тѣмъ комиссія Литературнаго Общества думаетъ, что по отношенію къ авторскому праву слѣдуетъ признавать право наслѣдованія либо по завѣщанію, либо въ пользу лишь близкихъ родныхъ автора: жены

и родственниковъ по прямой нисходящей или восходящей линіи,—и только подобно тому, какъ это принято сѣверо-американскимъ закономъ объ авторскомъ правѣ (см. ниже, ст. 6).

2) Дѣйствующій законъ обусловливаетъ печатаніе частныхъ писемъ, нерѣдко необходимое для науки, согласіемъ какъ авторовъ, такъ и адресатовъ, или ихъ наслѣдниковъ. По мнѣнію же комиссіи Литературнаго Общества письма вообще не должны составлять предмета авторскаго права. Между тѣмъ министерскій проектъ принимаетъ цѣликомъ постановленіе дѣйствующаго закона и даже дѣлаетъ условія для напечатанія писемъ еще болѣе стѣснительными. (См. ниже, ст. 26).

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, Комиссія переходитъ къ подробному разбору проекта по статьямъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія положенія.

Министерскій проектъ.

. Авторское право распространяется:

1) На литературныя произведенія, какъ письменныя, такъ и изустныя (рѣчи, лекціи, рефераты, проповѣди и т. д.);

2) На музыкальныя произведенія, въ томъ числѣ и на музыкальныя импровизаціи;

) На художественныя произведенія (произведенія живописи, ваянія и зодчества), и 4) На фотографическія и подобныя имъ произведенія.

Проектъ Комиссіи Литературнаго Общества.

1. Авторское право распространяется:

1) На литературныя произведенія, какъ письменныя, такъ и изустныя (рѣчи, лекціи, рефераты, проповѣди и т. п.).

Примѣч. Комиссія разсматриваетъ только авторское право на произведенія литературы, и потому пункты 2, 3 и 4-й статьи 1 оставлены безъ разсмотрѣнія.

2. Автору принадлежитъ исключительное право всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе.

2. Автору принадлежитъ исключительное право всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе.

Право на переводъ произведенія въ составъ авторскаго права не входитъ.

I.

Право на переводъ и его отношеніе къ авторскому праву.

Въ статьѣ 2 дано общее опредѣленіе содержанія авторскаго права, пополненное постановленіемъ ст. 3.

Это опредѣленіе въ редакціи проекта не предрѣшаетъ еще отношенія законодателя къ вопросу о правѣ переводовъ, которое выяснено въ статьяхъ 31 и 33. Хотя ст.ст. 2 и 3 включены въ главу I, въ которой собраны общія положенія, касающіяся права, какъ на литературныя, такъ и на музыкальныя, художественныя и фотографическія произведенія, но комиссія Литературнаго Общества считаетъ наиболѣе удобнымъ именно въ эти общія статьи включить свое ограниченіе авторскаго права, какъ это сдѣлано проектомъ въ ст. 3 относительно права спеціально на художественныя произведенія.

Будучи, быть можетъ, самымъ важнымъ вопросомъ во всей области авторскаго права, вопросъ о правѣ переводовъ нуждается въ спеціальномъ разсмотрѣніи.

Дѣйствующее право стоитъ, какъ указано выше, на признаніи перевода самостоятельнымъ трудомъ и на невключеніи исключительнаго права на переводъ въ содержаніе авторскаго права. Проектъ стоитъ какъ разъ на противоположной почвѣ.

Комиссія Литературнаго Общества, не отрицая, конечно, момента труда автора въ переводномъ произведеніи, считаетъ въ этомъ отношеніи болѣе правильнымъ взглядъ дѣйствующаго права, чѣмъ взглядъ проекта.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ Западной Европѣ, подъ давленіемъ интересовъ литераторовъ и особенно издателей, въ настоящее время господствуетъ мнѣніе, принятое и нашимъ проектомъ, что авторское право должно включить въ себя и исключительное право на переводъ.

Нельзя отрицать того, что взглядъ этотъ постоянно дѣлаетъ новыя завоеванія. Однако, и до сихъ поръ онъ не можетъ быть признанъ безусловно господствующимъ; и на Западѣ онъ находитъ еще противниковъ, но, главное, даже его сторонники до сихъ поръ не рѣшаются проводить его послѣдовательно до конца. Наиболѣе яркое выраженіе этотъ взглядъ нашелъ въ постановленіяхъ Бернской литературной конвенціи, заключенной въ 1886 г. Германіей, Франціей, Великобританіей, Италіей и дру-

гими государствами Европы и другихъ частей свѣта (къ ней, однако, не присоединились ни Австро-Венгрія, заключившая сепаратное соглашеніе съ Германіей, ни Соединенные Штаты, заключившіе сепаратное соглашеніе съ Великобританіей и нѣкоторыми другими государствами).

Конвенція 1886 г. пополнена и видоизмѣнена актомъ 1896 г. Согласно съ постановленіемъ этой конвенціи (въ редакціи 1896 г.) исключительное право на переводъ принадлежитъ автору на все время, пока онъ пользуется авторскимъ правомъ по законамъ своей страны; но если авторъ не сдѣлаетъ употребленія изъ этого права въ теченіе десятилѣтія со времени появленія въ свѣтъ его произведенія, то онъ теряетъ его.

По сепаратному соглашенію Германіи съ Австріей, право на переводъ принадлежитъ автору, но всего въ теченіе 5 лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ произведенія автора, притомъ въ послѣдніе два года этого срока только условно: чтобы не потерять его на эти два года, онъ долженъ имъ воспользоваться въ первые три года. Такимъ образомъ, произведеніе, появившееся въ Австріи, можетъ быть переведено каждымъ желающимъ въ Германіи черезъ три года, если авторъ не выпуститъ въ свѣтъ авторизованнаго перевода, а черезъ 5 лѣтъ послѣ появленія—во всякомъ случаѣ, даже и въ томъ, если авторъ это сдѣлаетъ.

Нашъ проектъ при конструированіи права перевода придерживается системы австро-германскаго соглашенія, признающей безусловную срочность права на переводъ, а не Бернской конвенціи, признающей условную его безсрочность (если называть безсрочностью — совпаденіе со сроками самаго авторскаго права), но беретъ сроки болѣе значительные, чѣмъ принятые этимъ соглашеніемъ. Такимъ образомъ, ни Бернская конвенція, ни австрогерманское соглашеніе, ни нашъ проектъ не признаютъ права на переводы логически и безусловно связаннымъ съ авторскимъ правомъ; напротивъ, они конструируютъ его, какъ самостоятельное, особое право автора, нормируемое особыми постановленіями, нуждающимися, слѣдовательно, для своего обоснованія въ самостоятельной аргументаціи. Между тѣмъ главный и во всякомъ случаѣ единственный юридическій аргументъ сторонниковъ ограниченія свободы переводовъ состоитъ именно въ томъ, что право на переводъ входитъ въ составъ авторскаго права, и что тѣ, кто отрицаетъ это право, этимъ самымъ допускаютъ грабежъ, пиратство. Въ объяснительной запискѣ къ проекту министра юстиціи объ авторскомъ правѣ приводятся такія

мнѣнія сторонниковъ ограниченія права переводовъ: „Изданіе самовольныхъ переводовъ... (есть) даровая, прикрывающаяся дозволеніемъ закона эксплоатація чужого труда". „Лишать иностранныхъ авторовъ, принадлежащаго имъ по *самому существу авторской собственности* *), права на защиту ихъ, въ предѣлахъ Россіи, отъ самовольнаго перевода ихъ сочиненій,—значило бы допустить явное нарушеніе коренныхъ началъ права и справедливости, которое не могло бы даже быть оправдано самыми вѣскими практическими соображеніями"... Допущеніе „нарушенія чужого права (посредствомъ признанія свободы переводовъ иностранныхъ авторовъ), отразится вредно на общемъ правовомъ сознаніи и будетъ служить нежелательнымъ примѣромъ колебанія юридическихъ началъ". (Стр. 28—29).

Въ виду этого „отвлеченныя требованія справедливости" (стр. 33) требуютъ ограниченія свободы переводовъ, и только практическія соображенія могутъ въ иныхъ случаяхъ ихъ перевѣсить.

Какъ мы уже сказали, право на переводы, даже въ современной конструкціи этого права, является, очевидно, самостоятельнымъ правомъ, не вытекающимъ изъ существа авторскаго права.

Если думать, что авторъ, создавшій какое-нибудь произведеніе, этимъ самымъ пріобрѣтаетъ право на это произведеніе во всѣхъ его формахъ и видахъ, то, чтобы быть послѣдовательнымъ, слѣдуетъ признать слѣдующее:

Музыкальное произведеніе на стихотвореніе автора можетъ быть написано только самимъ авторомъ, или съ его согласія.

Картина, иллюстрирующая или объясняющая какое-либо литературное произведеніе автора, можетъ быть написана только самимъ авторомъ, или съ его согласія.

Компиляція по научнымъ трудамъ автора можетъ быть написана или самимъ авторомъ, или съ его согласія.

Наконецъ, какое бы то ни было произведеніе, навѣянное произведеніемъ, или развивающее его мысли, можетъ быть написано только авторомъ или съ его согласія.

Такъ далеко не идутъ самые крайніе сторонники авторскаго права, и этимъ они обнаруживаютъ свою непослѣдовательность. Нельзя, конечно, отрицать момента труда автора въ переводномъ произведеніи, но нельзя отрицать момента труда автора и въ навѣянныхъ имъ произведеніяхъ композитора, иллюстратора или художника-живописца, наконецъ, компилятора; точно также нельзя

*) Курсивъ нашъ.

отрицать момента труда цѣлыхъ поколѣній въ произведеніяхъ любаго автора. Толстой не былъ бы Толстымъ, если бы до него не писали Гоголь, Пушкинъ и другіе, какъ Пушкинъ не былъ бы Пушкинымъ безъ предыдущей работы Жуковскаго, Батюшкова, Карамзина и др. Признаніе авторскаго права необходимо въ интересахъ развитія литературы, но какъ право патентное, какъ всякое монопольное право на извѣстныя дѣйствія, оно должно быть толкуемо ограничительно; расширительное его толкованіе, полное закрѣпленіе какой-либо идеи въ собственность автора или изобрѣтателя сдѣлало бы невозможнымъ развитіе науки и литературы, какъ расширительное толкованіе права патентнаго сдѣлало бы невозможнымъ развитіе промышленности. Въ ст. 3-й проекта его составители прямо оговариваются, что „не считается нарушеніемъ авторскаго права пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія новаго произведенія, существенно отъ него отличающагося“. Переводъ, несомнѣнно, существенно отличается отъ произведенія; на немъ,—по крайней мѣрѣ, на хорошемъ переводѣ художественнаго произведенія, всегда имѣется отпечатокъ индивидуальности переводчика помимо индивидуальности автора. Сами составители министерскаго проекта признавали въ своей объяснительной запискѣ, что переводъ „требуетъ самостоятельнаго умственнаго труда“ (стр. 33); тѣмъ не менѣе въ отрицаніи свободы переводовъ они идутъ такъ далеко, что не проводятъ различія даже между произведеніемъ прозаическимъ и произведеніемъ поэтическимъ (стихотворнымъ). Они ограничиваютъ право на переводъ точно также по отношенію къ стихотворнымъ, какъ и по отношенію къ прозаическимъ, одинаково беллетристическимъ, научнымъ и публицистическимъ произведеніямъ. Если бы настоящій проектъ былъ закономъ 70 лѣтъ тому назадъ и тогда же были бы заключены конвенціи, заключеніе которыхъ онъ предусматриваетъ, то Лермонтову, чтобы напечатать его стихотвореніе „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко“, требовалось бы спеціальное разрѣшеніе Гейне.

Русскій поэтъ, которому придетъ въ голову послѣ того, какъ настоящій проектъ войдетъ въ силу и вызоветъ заключеніе конвенцій,—а по отношенію къ польскому поэту и до заключенія конвенціи—перевести стихами чужое поэтическое произведеніе (по крайней мѣрѣ, появившееся меньше десяти лѣтъ тому назадъ), не будетъ имѣть возможности приступить къ своей работѣ въ порывѣ вдохновенія, а долженъ будетъ списываться съ авторомъ или его издателемъ и неопредѣленное время ждать отвѣта,

притомъ отвѣта положительнаго,—или онъ рискуетъ потерять свой трудъ даромъ.

Если же это произведеніе однажды съ разрѣшенія автора уже переведено, то даже авторъ не будетъ имѣть права дать его вторично другому поэту.

Беря болѣе близкій намъ примѣръ, укажемъ на „Потонувшій колоколъ“ Гауптмана, появившійся въ свѣтъ около 10 лѣтъ тому назадъ. Тотчасъ же послѣ появленія въ свѣтъ, онъ былъ переведенъ стихами г. Буренинымъ. Если бы тогда дѣйствовалъ настоящій проектъ, то г. Буренинъ долженъ былъ бы получить разрѣшеніе автора. Такое разрѣшеніе, вѣроятно, было бы дано, потому что у Гауптмана едва ли могли быть особенныя основанія отказать въ немъ г. Буренину,—и это самое помѣшало бы перевести его вновь Бальмонту. Между тѣмъ несомнѣнно, что и послѣ появленія этихъ переводовъ произведеніе Гауптмана нуждается въ новыхъ и новыхъ поэтическихъ истолкованіяхъ, которымъ всѣмъ, по крайней мѣрѣ на цѣлыхъ 10 лѣтъ, былъ бы положенъ предѣлъ настоящимъ проектомъ (а Бернскою конвенціею и еще на болѣе долгій срокъ, до истеченія срока авторскаго права).

Изъ изложеннаго ясно, что во всякомъ случаѣ стихотворный переводъ долженъ почитаться произведеніемъ совершенно самостоятельнымъ и никоимъ образомъ не можетъ быть поставленъ въ зависимость отъ согласія автора. Стихотворное произведеніе должно считаться плодомъ самостоятельнаго вдохновенія. Необходимо указать, что тотъ, кто ведетъ агитацію за присоединеніе Россіи къ Бернской конвенціи, этимъ самымъ агитируетъ за стѣсненіе даже стихотворныхъ переводовъ требованіемъ авторскаго разрѣшенія.

Въ меньшей степени вѣрно, но все же вѣрно это и относительно всякаго художественнаго произведенія, написаннаго прозой. Нѣтъ никакого основанія ограничивать ознакомленіе русской публики съ иностраннымъ художественнымъ произведеніемъ однимъ только переводомъ, не допуская переводовъ конкурирующихъ.

Возьмемъ для примѣра такое произведеніе, какъ книга Ренана „Жизнь Іисуса“. Лишь только цензурныя условія сдѣлали возможнымъ ея появленіе по-русски, какъ различные переводы начали появляться одинъ за другимъ. Если на „Жизни Іисуса“, переведенной въ полномъ видѣ уже не менѣе трехъ разъ (кромѣ многочисленныхъ переводовъ сокращеннаго изданія) будутъ пробовать свои силы еще цѣлые десятки переводчиковъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ можетъ быть удастся еще болѣе приблизиться къ *стилю* автора, чѣмъ это

сдѣлали ихъ предшественники, то этому можно будетъ только порадоваться. Если бы у насъ не было цензуры, то то же самое обиліе переводовъ имѣло бы, вѣроятно, мѣсто 40 лѣтъ тому назадъ, немедленно послѣ появленія книги Ренана въ подлинникѣ, но ограниченіе права переводовъ сдѣлало бы это невозможнымъ.

Возьмемъ такое, совсѣмъ уже не художественное произведеніе, какъ „Капиталъ" Маркса. 1-й его томъ переведенъ очень знающимъ переводчикомъ Германомъ Лопатинымъ; переводъ удостоился одобренія самого Маркса, знавшаго русскій языкъ. Тѣмъ не менѣе, конкурируя съ первымъ переводомъ, выпускаетъ свой переводъ Петръ Струве. Вслѣдъ за тѣмъ то же самое дѣлаетъ Богдановъ, въ союзѣ съ Базаровымъ и Степановымъ. Каждый изъ этихъ переводчиковъ относится къ переводимому автору съ полной добросовѣстностью и приступаетъ къ работѣ со знаніемъ дѣла. Тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ, очевидно, находитъ, что его предшественники невѣрно или неточно поняли нѣкоторыя мысли Маркса, пользовались неправильной или неудобной русской терминологіей или несовсѣмъ точно или правильно передали мысли Маркса русскимъ читателямъ. Спрашивается, потеряло ли отъ этого что-нибудь наше общество, потеряла ли наша наука, потерялъ ли наконецъ что-нибудь самъ Карлъ Марксъ? Мы думаемъ—рѣшительно нѣтъ.

Такимъ образомъ мы думаемъ, что исключительное право на переводы вовсе не входитъ въ составъ авторскаго права; что это особенно ясно на произведеніяхъ поэтическихъ, стихотворныхъ; менѣе ясно, но тѣмъ не менѣе вѣрно въ примѣненіи къ произведеніямъ художественнымъ прозаическимъ; еще менѣе ясно, но тѣмъ не менѣе вѣрно, въ примѣненіи къ произведеніямъ научнымъ, публицистическимъ и всякимъ инымъ.

Такимъ образомъ, защищая исключительное право автора на переводъ, никоимъ образомъ нельзя становиться на почву самаго существа авторскаго права; въ свободѣ переводовъ нельзя видѣть „нежелательный примѣръ колебанія юридическихъ началъ" [1]. Споръ долженъ быть перенесенъ совсѣмъ въ иную плоскость и

---

[1]) Любопытно, что очень многіе сторонники конвенціи, говорящіе о свободѣ переводовъ, какъ о разбоѣ, пиратствѣ, посягательствѣ на высочайшіе моральные принципы, въ то же время признаютъ, что 50, 20, даже 10 лѣтъ тому назадъ не слѣдовало заключать конвенцій. Такимъ образомъ, высочайшіе нравственные принципы создались лишь въ послѣдніе годы; то, что теперь является разбоемъ, не было таковымъ 10—20—50 лѣтъ назадъ.

вопросъ долженъ быть поставленъ исключительно о практической полезности для Россіи въ настоящій историческій моментъ или о вредѣ для нея же ограниченія права переводовъ. Съ этой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать и всякій другой привѣсокъ къ авторскому праву, всякое новое измѣненіе его объема, создаваемое требованіями времени.

Такъ запрещеніе драматизированія романовъ и повѣстей безъ согласія автора, устанавливаемое статьею 22 проекта, тоже не вытекаетъ изъ самаго существа авторскаго права. Но, оцѣнивъ общественное значеніе этого запрещенія, соглашаясь съ тѣмъ, что подобное драматизированіе обыкновенно бываетъ недостойной спекуляціей на громкій успѣхъ какого-либо литературнаго произведенія, Комиссія Литературнаго Общества пришла къ выводу, что постановленіе статьи 29 проекта является достаточно обоснованнымъ. Съ этой, и только этой точки зрѣнія слѣдуетъ разсматривать и вопросъ о переводахъ: требуютъ ли интересы литературы ограниченія ихъ свободы?

II.

Желательно ли ограниченіе свободы переводовъ.

Это дѣлаютъ и сторонники ограниченія права переводовъ. Они устанавливаютъ слѣдующіе тезисы:

1) „Предоставленіе каждому безпрепятственно переводить сочиненія иностранныхъ авторовъ влечетъ за собою появленіе спѣшныхъ, дешевыхъ переводовъ, исполненныхъ небрежно, искажающихъ литературный вкусъ и слогъ и имѣющихъ нерѣдко предметомъ произведенія невысокаго качества. Заполненіе журналовъ и изданій подобными переводами можетъ принести лишь вредъ обществу“,

2) „и въ то же время губитъ нашу національную литературу и науку, не давая хода живымъ, творческимъ силамъ отечественныхъ авторовъ, особенно же начинающихъ“.

3) „Невыгодна свобода перевода иностранныхъ произведеній для нашихъ авторовъ и въ томъ отношеніи, что дѣлаетъ невозможною защиту ихъ внѣ предѣловъ Россіи отъ самовольныхъ переводовъ собственныхъ ихъ сочиненій, которыя между тѣмъ все чаще переводятся нынѣ за границею“. (Объяснительная записка къ проекту министра юстиціи, стр. 29). Этотъ послѣдній аргу-

ментъ пополняется соображеніемъ, что мы, русскіе, грабимъ иностранныхъ литераторовъ, въ то же самое время умѣя ограждать интересы своихъ авторовъ, нѣкоторые изъ которыхъ, пользуясь постановленіями Бернской конвенціи, издаютъ свои произведенія также и въ Германіи и такимъ способомъ защищаютъ ихъ отъ права перевода.

4) Продажная цѣна переводныхъ книгъ послѣ ограниченія права перевода ни въ какомъ случаѣ не можетъ повыситься, а скорѣе понизится. „Съ присоединеніемъ Россіи къ Бернской конвенціи, ограждающей права авторовъ на переводы, рискъ издателей уменьшится, и весьма возможно, что книги вообще подешевѣютъ, какъ это и наблюдалось въ Швеціи, при присоединеніи ея въ 1894 г. къ бернскому союзу". (Мнѣніе А. А. Пиленко, высказанное имъ на особомъ, Высочайше учрежденномъ, совѣщаніи по вопросу о заключеніи съ Германіей, Австро-Венгріей и Франціей соглашенія о „взаимной защитѣ авторскихъ правъ", происходившемъ 13 и 14 апрѣля 1906 г., и напечатанное въ журналѣ этого совѣщанія, изданномъ особою брошюрою министерствомъ торговли, стр. 14).

Таковы аргументы сторонниковъ ограниченія свободы переводовъ. Комиссія Литературнаго Общества считаетъ ихъ неправильными по слѣдующимъ соображеніямъ.

Дѣйствительно, въ послѣднее время на русскомъ книжномъ рынкѣ появилось немало плохихъ переводовъ различныхъ иностранныхъ произведеній. Но мы думаемъ, что борьба съ плохими переводами должна вестись исключительно тѣмъ же самымъ способомъ, какимъ ведется борьба съ плохими литературными произведеніями вообще, т. е. переводами и произведеніями хорошими. Какое бы то ни было ограниченіе свободы переводовъ въ этомъ отношеніи можетъ имѣть то же самое значеніе, какъ ограниченіе свободы поэтическаго или научнаго творчества, во имя заботы о нашемъ литературномъ вкусѣ или о достоинствахъ литературы.

Вспомнимъ, что въ былые годы даже цензура стремилась къ тому, чтобы ограждать литературный вкусъ и достоинство слога цензируемыхъ ею произведеній; но мы не думаемъ, что такой способъ насажденія хорошаго слога имѣлъ бы какую-либо цѣну. Что же касается права авторовъ разрѣшать или не разрѣшать переводъ своихъ произведеній, то мы рѣшительно не имѣемъ никакихъ данныхъ ожидать, чтобы иностранные авторы, пользуясь этимъ своимъ правомъ, гарантировали бы намъ хорошіе

переводы. Подавляющее большинство иностранныхъ авторовъ не знаетъ русскаго языка и въ своемъ отношеніи къ русскимъ въ отвѣтъ на обращенныя къ нимъ просьбы о разрѣшеніи перевода должны были бы руководствоваться либо извѣстностью фирмы которая къ нимъ обращается, либо извѣстностью имени переводчиковъ, либо случайными указаніями русскихъ друзей и знакомыхъ: ни одно изъ этихъ условій не можетъ служить достаточной гарантіей достоинства перевода. Можно привести немало примѣровъ переводовъ (какъ и оригинальныхъ книгъ), выпущенныхъ самыми извѣстными фирмами и страдающихъ очень крупными недостатками; можно привести немало примѣровъ переводовъ, украшенныхъ болѣе или менѣе звучнымъ именами переводчиковъ (и въ особенности редакторовъ переводовъ) и тѣмъ не менѣе являющихся весьма и весьма неудовлетворительными; что же касается до случайныхъ указаній русскихъ друзей и знакомыхъ, то они-то уже, конечно, не гарантируютъ достоинства перевода.

2) Мнѣніе, что свобода переводовъ губитъ національную литературу и науку, не давая хода живымъ творческимъ силамъ отечественныхъ авторовъ, особенно же начинающихъ, тоже довольно распространено среди сторонниковъ ограниченія переводовъ. На засѣданіи Высочайше учрежденнаго совѣщанія по вопросу о заключеніи конвенціи, представителемъ русскаго общества печатнаго дѣла Г. Б. Сліозбергомъ высказано мнѣніе, что „отсутствіе въ Россіи хорошихъ оригинальныхъ изслѣдованій по медицинѣ объясняется, главнымъ образомъ, пренебреженіемъ интересами авторовъ, которые весьма часто не рискуютъ напечатать свое сочиненіе, боясь потерпѣть убытки. Вслѣдствіе сего представляется настоятельно необходимымъ улучшить въ этомъ отношеніи наше законодательство, главнѣйшій недостатокъ коего заключается въ отсутствіи огражденія права переводовъ“ (стр. 7).

Другіе сторонники того же мнѣнія указываютъ, что и отсутствіе хорошихъ юридическихъ сочиненій, и историческихъ, и, наконецъ, даже беллетристическихъ произведеній объясняется обиліемъ переводовъ, которые заполняютъ наши журналы и нашъ книжный рынокъ.

Для поощренія оригинальной литературы предлагается ограниченіе права переводовъ, посредствомъ ли введенія соотвѣтственныхъ постановленій въ наше законодательство, или посредствомъ заключенія соотвѣтственной конвенціи съ европейскими

государствами. По мнѣнію комиссіи Литературнаго Общества, мысль, что введеніе своеобразнаго покровительства оригинальной литературы посредствомъ запрещенія или затрудненія появленія переводныхъ произведеній не выдерживаетъ самой снисходительной критики. Къ тому-же въ защиту литературнаго протекціонизма не приводится ни одного фактическаго аргумента, и сторонники его довольствуются голословными декларацiями.

3) Ссылка на интересы русскихъ авторовъ, которые тоже могутъ страдать отъ свободы переводовъ, разумѣется, совершенно правильна, если исключительное право на переводы входитъ въ содержаніе авторскаго права. Признаніе этого принципа для русскихъ авторовъ влечетъ его признаніе и для иностранныхъ авторовъ; если же его отрицать, то отрицать его слѣдуетъ одинаково для тѣхъ и другихъ. Исходя изъ отрицанія этого принципа, комиссія Литературнаго Общества не видитъ въ ссылкѣ на интересы русскихъ авторовъ аргумента противъ своихъ соображеній. Она не видитъ его тѣмъ болѣе, что дѣйствительно заинтересованными въ исключительномъ правѣ переводовъ могутъ быть въ Россіи только очень выдающіеся писатели, трудъ которыхъ вознаграждается достаточно хорошо и на одномъ русскомъ рынкѣ. Что же касается тѣхъ русскихъ писателей, отдѣльныя статьи, брошюры или книги которыхъ иногда переводятся на иностранные языки, не будучи особенно ходкими ни на русскомъ, ни на заграничномъ рынкахъ,—то врядъ ли можно допустить, что эти русскіе авторы выиграютъ отъ ограниченія свободы переводовъ, такъ какъ требованіе въ ихъ пользу гонорара за право перевода ихъ произведеній можетъ привести лишь къ тому, что ихъ произведенія вовсе не будутъ переведены. Что же касается до ссылки на то, что Россія, пользуясь свободой переводовъ, грабитъ европейскихъ писателей, тогда какъ нѣкоторые русскіе писатели пользуются защитой Бернской конвенціи, то это аргументомъ служить совершенно не можетъ. Это есть личное дѣло тѣхъ русскихъ писателей, которые пользуются защитой конвенціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло европейскихъ писателей или издателей, которые добились заключенія этой конвенціи и создали такимъ образомъ возможность пользованія ею и для русскихъ писателей. Во всякомъ случаѣ, русскіе авторы, за единичными исключеніями, выгодами Бернской конвенціи не пользуются.

4) Самымъ важнымъ съ точки зрѣнія коммиссіи Литературнаго Общества является вопросъ о вліяніи свободы переводовъ и

ея стѣсненія на продажную цѣну книгъ. Комиссія Литературнаго Общества думаетъ, что продажная цѣна книгъ подчиняется общимъ законамъ рынка, и что, слѣдовательно, всякая монополія можетъ только возвышать эту цѣну и никогда не можетъ понижать ея. Говорятъ, что при монополизированіи права на переводы какого-либо опредѣленнаго писателя, будетъ ли то Золя, Мирбо или кто-нибудь другой, фирма, монополизировавшая эти переводы, имѣетъ возможность выпустить его произведенія въ болѣе значительномъ количествѣ экземпляровъ, вслѣдствіе чего она легко покроетъ оплату авторскаго гонорара и будетъ имѣть возможность даже понижать продажную цѣну книгъ. Но это самое соображеніе примѣнимо ко всякой отрасли производства. И если аптечная монополія, напримѣръ, какъ извѣстно, повышаетъ продажныя цѣны лекарствъ, если вообще монополія на выдѣлку и продажу какого бы то ни было товара всегда дѣйствуетъ въ томъ же направленіи, хотя и даетъ возможность производить на болѣе значительный рынокъ, то мы не видимъ ни малѣйшаго основанія ожидать, чтобы по отношенію къ книгамъ, этотъ законъ бездѣйствовалъ,

Сообщеніе А. А. Пиленко о томъ, будто ограниченіе свободы переводовъ въ Швеціи послѣ присоединенія ея къ Бернской конвенціи въ 1898 г. привело къ дешевой цѣнѣ переводныхъ книгъ, не подтверждено имъ ни ссылкой на источники, ни какими-либо цифровыми, или фактическими данными, и потому не можетъ быть принято во вниманіе *). Собрать цифровыя данныя, дающія возможность доказать систематически съ безусловной точностью справедливость того или другого мнѣнія, въ данномъ случаѣ чрезвычайно трудно, врядъ ли даже возможно. Во всякомъ случаѣ onus probandi лежитъ на тѣхъ, кто отрицаетъ примѣнимость общаго признанія законовъ политической экономіи къ какой-либо отрасли производства, а не на тѣхъ, кто на ней настаиваетъ, а удешевленіе нѣскольких переводныхъ книгъ въ Швеціи, даже если оно имѣло мѣсто въ дѣйствительности, не

---

*) Членъ комиссіи Литературнаго Общества Е. П. Семеновъ въ ниже печатаемомъ особомъ мнѣніи подтверждаетъ сообщеніе А. А. Пиленки. Къ сожалѣнію, онъ не сообщилъ коммиссіи того источника, на которомъ онъ основывается, и не указываетъ его въ своемъ особомъ мнѣніи. Но и въ его сообщеніи этотъ фактъ мало убѣдителенъ. Изъ 8 книгъ 6 послѣ заключенія конвенціи въ 1884 г. (а не въ 1894, какъ сообщаетъ г. Пиленко), подешевѣли; другіе двѣ — вздорожали или сохранили прежнюю цѣну? А не подешевѣли ли за это время книги вообще?

можетъ служить аргументомъ, пока эти данныя не провѣрены и не выяснены. Во всякомъ случаѣ противъ нихъ мы можемъ привести кое-какія данныя, конечно, тоже далеко не вполнѣ достаточныя, хотя все же гораздо болѣе убѣдительныя, въ защиту того положенія, что и на книжномъ рынкѣ монополія удорожаетъ, а свобода удешевляетъ книги. Прежде всего и съ полной наглядностью, мы это видимъ на примѣрѣ не переводовъ, а оригинальныхъ книгъ. Оригинальныя книги, ходкія на книжномъ рынкѣ, обыкновенно сразу и очень значительно понижаются въ цѣнѣ, какъ только истекаетъ срокъ авторскаго права.

Собраніе сочиненіе Пушкина до 1887 года, когда право на ихъ изданіе принадлежало опредѣленнымъ фирмамъ, стоило не менѣе 10 рублей.

Въ 1887 г. истекъ срокъ авторскаго права на сочиненія Пушкина, и сразу появилось одно прекрасное по качеству изданіе сочиненій Пушкина Литературнаго фонда, продажная цѣна котораго была назначена въ 6 руб., и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько общедоступныхъ изданій (Павленкова, Суворина и мн. др.), продажная цѣна которыхъ была назначена въ 1 р. 50 к.

Фирма, имѣвшая въ своихъ рукахъ весь рынокъ, слѣдовательно, имѣвшая возможность разсчитывать на всѣхъ тѣхъ покупателей, на которыхъ разсчитывали и Литературный фондъ, и Павленковъ, и Суворинъ, и всѣ другіе издатели, вмѣстѣ взятые, не находила нужнымъ понизить его продажной цѣны. Это сдѣлала свобода изданій сочиненій Пушкина.

То же самое имѣло мѣсто по отношенію къ сочиненіямъ Лермонтова. До 1891 г. право на изданіе его сочиненій принадлежало Глазунову, и ихъ собраніе стоило 5 руб. Съ истеченіемъ срока авторскаго права появился рядъ изданій, цѣна на нѣкоторыя изъ которыхъ равнялась 1 руб. Вотъ что сдѣлала свобода изданій сочиненій Лермонтова.

То же самое имѣло мѣсто съ Гоголемъ и Жуковскимъ. По отношенію къ послѣднему, впрочемъ, съ нѣкоторой особенностью. За годъ до истеченія срока авторскаго права на него, издатель Глазуновъ, которому оно принадлежало, поспѣшилъ выпустить дешевое изданіе сочиненій Жуковскаго, очевидно, для того, чтобы заблаговременно захватить рынокъ. Однако, ранѣе онъ этого не считалъ нужнымъ дѣлать. И тутъ, слѣдовательно, свобода изданій или даже ожиданіе этой свободы вели къ пониженію цѣны.

Такимъ образомъ, свобода изданій безусловно понижаетъ продажную цѣну произведеній нашихъ классиковъ и при томъ ведетъ не къ пониженію, а къ повышенію достоинствъ изданія.

Что касается вліянія свободы переводовъ на ихъ продажныя цѣны, то, какъ уже сказано, выяснить ее статистическимъ путемъ крайне трудно, въ виду отсутствія матеріала для сравненія, такъ какъ мы не имѣемъ достаточнаго количества наблюденій, происходящихъ въ болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ; нельзя же сравнивать, напримѣръ, цѣны переводныхъ книгъ въ Германіи съ цѣнами ихъ въ Россіи, такъ какъ условія книжнаго рынка тамъ и тутъ совершенно различны. Нельзя даже сравнивать, напримѣръ, цѣны на нѣмецкіе переводы русскихъ авторовъ съ нѣмецкими цѣнами переводовъ авторовъ англійскихъ, въ виду совершенно различнаго отношенія публики въ томъ и другомъ случаѣ. Но мы можемъ сравнивать цѣны на нѣмецкіе переводы тѣхъ русскихъ авторовъ (Горькій, Андреевъ и нѣк. др.), которые, благодаря изданію своихъ сочиненій въ Германіи, стали подъ защиту Бернской конвенціи, съ цѣнами на произведенія тѣхъ русскихъ авторовъ, которые этого не сдѣлали и переводы которыхъ въ Германіи совершенно свободны. Если мы возьмемъ сочиненія Короленко съ одной стороны и Горькаго и Андреева съ другой, то мы сразу замѣтимъ, что продажная цѣна сочиненій послѣднихъ на нѣмецкомъ рынкѣ, выше, чѣмъ перваго (хотя популярность ихъ, въ особенности Горькаго, никоимъ образомъ не ниже, чѣмъ популярность Короленко [1]). Такъ, напримѣръ, „Слѣпой музыкантъ“ Короленко мы найдемъ въ цѣломъ рядѣ нѣмецкихъ переводовъ, продажная цѣна которыхъ равняется 50, 35 и даже 20 пф., т. е. значительно ниже, чѣмъ цѣна на то же произведеніе въ подлинникѣ. Между тѣмъ „На днѣ“ Горькаго имѣется въ одномъ изданіи, цѣною въ 1 м. 40 пф.; „Дѣти солнца“—2 м. 80 пф.; „Красный смѣхъ“ Андреева—1 м. 30 пф. По объему-же эти произведенія почти одинаковы. Такъ же дешевы, какъ переводныя произведенія Короленко, переводныя произведенія Герцена („Кто виноватъ“ продается въ нѣмецкомъ переводѣ за 60 пфениговъ), Тургенева, Льва Толстого и другихъ популярныхъ русскихъ авторовъ, не оградившихъ себя Бернской

---

[1]) Само собою разумѣется, что популярность писателя, т. е. распространенность его сочиненій, должна дѣйствовать понижающимъ образомъ. Если при монополіи на переводы она дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи, то это говоритъ также противъ монополіи и за свободу переводовъ.

конвенціей. Точно такъ же дешевы переводы тѣхъ произведеній Максима Горькаго, которыя были имъ изданы до того, какъ онъ сталъ прибѣгать къ защитѣ Бернской конвенціи. Такъ, напр., имѣется 20-пфениговое изданіе его „Коновалова“ (даже въ одной книжкѣ съ „Дѣдушкой Архипомъ“), „Старухи Изергиль“, „Исторіи преступленія“ и нѣкоторыхъ другихъ его произведеній.

Такимъ образомъ, и по отношенію къ продажной цѣнѣ переводныхъ книгъ, мы находимъ нѣкоторыя, хотя и недостаточныя, цифровыя данныя въ подтвержденіе нашего мнѣнія.

Министръ юстиціи въ своей объяснительной запискѣ къ проекту закона объ авторскомъ правѣ, приведя вышеперечисленные аргументы за ограниченіе права переводовъ, все же не считаетъ возможнымъ присоединиться къ нимъ цѣликомъ. Напротивъ, онъ самъ указываетъ, что неудовлетворительные переводы нельзя объяснять ихъ свободой, и признаетъ, что, несмотря на свободу, въ послѣднее время плохіе переводы вытѣсняются и замѣняются хорошими. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ, нѣтъ никакого ручательства въ томъ, что, съ отмѣною свободы переводовъ, качество ихъ улучшится. Напротивъ, можно опасаться, что сосредоточеніе всего переводнаго дѣла въ рукахъ немногихъ монополистовъ поведетъ какъ разъ къ обратнымъ послѣдствіямъ и что, пользуясь отсутствіемъ конкурентовъ, нѣкоторые, по крайней мѣрѣ, монополисты-издатели будутъ за повышенныя цѣны выпускать переводы плохо сдѣланные, выбирая при томъ для перевода преимущественно произведенія невысокаго качества“ (стр. 34). Министръ юстиціи подвергаетъ также сомнѣнію вредное вліяніе переводовъ на развитіе оригинальной литературы и дѣлаетъ, по мнѣнію коммиссіи, вполнѣ правильное заключеніе:

„Въ общемъ, слѣдовательно, выгоды, которыя можно ожидать отъ отмѣны у насъ свободы переводовъ иностранныхъ сочиненій, представляются весьма гадательными и едва ли окупятъ собой ея невыгодныя послѣдствія“. Невыгодными будутъ послѣдствія, какъ для читающей публики, такъ для издателей журналовъ, такъ, наконецъ, и притомъ въ особенности, для «многочисленнаго у насъ класса переводчиковъ», и понесутъ ущербъ и типографщики, такъ какъ возможно, что съ сокращеніемъ переводныхъ изданій уменьшится ихъ заработокъ.

„Но всѣ эти невыгодныя стороны отмѣны свободы переводовъ должны быть признаны второстепенными въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который можетъ быть нанесенъ нашей наукѣ и техникѣ“, которыя до сихъ поръ еще въ значительной мѣрѣ поль-

зуются трудомъ западныхъ ученыхъ. „При этомъ не столько будетъ имѣть значеніе обязательная уплата извѣстнаго гонорара иностраннымъ авторамъ за согласіе ихъ на переводъ, сколько неизбѣжно связанная съ полученіемъ такого согласія сложная процедура и необходимость непосредственно сноситься съ иностранными издателями и авторами, иногда издалека, напр., изъ Томска, Казани и т. п.“. Даже срочность ограниченія права переводовъ (10-лѣтній срокъ) устраняетъ это неудобство лишь въ слабой степени, такъ какъ наука и техника движутся чрезвычайно быстро, и по прошествіи 10, даже 5 лѣтъ многія научныя и техническія произведенія теряютъ всякое значеніе (стр. 34—36). Это касается главнымъ образомъ переводовъ на русскій языкъ. Къ этому министръ юстиціи прибавляетъ еще одно совершенно вѣрное и чрезвычайно важное указаніе, что въ предѣлахъ Россіи существуютъ небольшія народности (грузинская, латышская, эстонская и др.), для которыхъ «свобода переводовъ и связанная съ ней возможность безпрепятственнаго пользованія произведеніями русскихъ авторовъ является безусловно необходимой, такъ что всякое нарушеніе этой свободы отразилось бы на ихъ культурѣ крайне гибельно».

Приведя всѣ эти, по мнѣнію коммиссіи Литературнаго Общества, совершенно правильныя соображенія, министръ юстиціи въ своей объяснительной запискѣ вдругъ дѣлаетъ совершенно неожиданное заключеніе. «Отсюда не слѣдуетъ, конечно, чтобы свобода (переводовъ) должна была вообще быть сохранена въ полномъ объемѣ. Напротивъ, по мѣрѣ возможности желательно оградить сколько-нибудь и интересы иностранныхъ авторовъ, но это должно быть сдѣлано не въ законѣ объ авторскомъ правѣ, а путемъ международныхъ соглашеній». Въ законѣ объ авторскомъ правѣ запрещеніе переводовъ иностранныхъ авторовъ не должно имѣть мѣста, такъ какъ оно сдѣлало бы невозможнымъ добиться отъ иностранныхъ государствъ соотвѣтственнаго огражденія интересовъ русскихъ авторовъ (стр. 36). Но если интересъ иностранныхъ авторовъ долженъ быть по этимъ соображеніямъ огражденъ лишь путемъ международнаго соглашенія, то авторы—русскіе подданные—должны быть ограждены въ самомъ законѣ объ авторскомъ правѣ.

По мнѣнію коммиссіи Литературнаго Общества изъ аргументовъ, приведенныхъ и принятыхъ самимъ министромъ юстиціи, слѣдуетъ выводъ какъ разъ противоположный, а именно, что нѣтъ никакой надобности ограничивать право переводовъ ни по отно-

шенію къ произведеніямъ иностранныхъ подданныхъ, ни въ законѣ объ авторскомъ правѣ, ни путемъ особой литературной конвенціи.

Вопросъ о свободѣ переводовъ, помимо своей юридической, принципіальной стороны, разобранной выше, можетъ быть еще разсматриваемъ съ точки зрѣнія интересовъ: 1) иностранныхъ писателей, 2) писателей—русскихъ подданныхъ, 3) съ точки зрѣнія интересовъ русскихъ читателей и русской литературы (понимая слово „русскій" въ широкомъ смыслѣ, т. е. въ примѣненіи къ читателямъ Россійской Имперіи и къ литературѣ, развивающейся на территоріи Россійской Имперіи) и, наконецъ, 4) съ точки зрѣнія интересовъ русскихъ издателей.

1. Что касается иностранныхъ авторовъ, то объ ихъ интересахъ, по мнѣнію коммиссіи, говорить не приходится, не только потому, что право на переводъ никоимъ образомъ не вытекаетъ изъ самой сущности авторскаго права, но также и потому, что Россія совершенно достаточно платитъ иностраннымъ авторамъ за ихъ сочиненія въ подлинникѣ. Стоитъ войти въ любой книжный магазинъ на Невскомъ проспектѣ въ Петербургѣ, торгующій иностранными книгами, чтобы убѣдиться, какъ великъ въ Россіи ихъ сбытъ. Въ Россію привозится значительное количество, какъ беллетристическихъ, такъ и научныхъ—французскихъ, нѣмецкихъ, англійскихъ и даже итальянскихъ книгъ, при чемъ ихъ покупаютъ не только иностранцы, проживающіе на русской территоріи, но и въ значительномъ числѣ русскіе. Если нашихъ писателей теперь читаютъ за границей, быть можетъ, не меньше, чѣмъ мы читаемъ иностранныхъ авторовъ, то зато иностранцы ничего не платятъ намъ за наши книги, такъ какъ по-русски они не читаютъ, тогда какъ мы платимъ имъ очень много. Къ тому же переводъ на русскій языкъ иностраннаго писателя, свидѣтельствующій о ростѣ его популярности, самъ содѣйствуетъ дальнѣйшему росту этой популярности и, быть можетъ, даже увеличиваетъ продажу его сочиненія въ подлинникѣ.

2. Что касается русскихъ писателей, то тѣ изъ нихъ, которые переводятся на иностранные языки, получаютъ и безъ того крупное вознагражденіе, а остальные русскіе авторы въ ограниченіи свободы на переводы не заинтересованы.

3. Что касается интересовъ читателей, то на нихъ, какъ уже сказано выше, ограниченіе права переводовъ должно отразиться самымъ тяжелымъ образомъ: оно, по выше обоснованному мнѣнію Коммисіи, должно повысить продажную цѣну переводныхъ

книгъ и, можетъ быть, ухудшить, но ни въ какомъ случаѣ не улучшить достоинство переводовъ.

Этого мало: многія книги, которыя, при свободѣ переводовъ, появились бы на русскомъ книжномъ рынкѣ, при ограниченіи этой свободы, при необходимости сноситься съ иностранными авторами или издателями—со всѣми тѣми затрудненіями, съ какими связаны такія сношенія, весьма вѣроятно, вовсе не появятся въ переводѣ.

Весьма возможно, что не появятся или не появились бы нѣкоторыя книги, благодаря прямому запрещенію авторовъ—и это во всякомъ случаѣ было бы потерей для литературы и читателей. Первые переводы произведеній Ибсена были сдѣланы въ Россіи съ нѣмецкаго. Это объясняется тѣмъ, что въ то время, когда они появились въ свѣтъ, знаніе датскаго языка въ Россіи было распространено крайне мало; переводчики его не знали, тѣмъ не менѣе они считали себя въ правѣ знакомить русскую публику съ произведеніями великаго писателя, хотя бы пользуясь нѣмецкими переводами. Конечно, можно очень и очень много возразить противъ достоинства перевода, сдѣланнаго не съ подлинника, а съ перевода же. Тѣмъ не менѣе, когда, по какой-либо причинѣ, нѣтъ возможности переводить съ подлинника, тогда можно пожелать хотя бы перевода съ перевода; а между прочимъ, очень вѣроятно, что Ибсенъ, какъ всякій авторъ, дорожащій переводомъ своихъ произведеній, не счелъ бы возможнымъ дать разрѣшеніе на переводъ человѣку, не знающему его языка, и такимъ образомъ знакомство съ Ибсеномъ для русской публики было бы отложено на нѣсколько лѣтъ, впредь до появленія переводчиковъ, знающихъ датскій языкъ. Точно такъ же сказки Андерсена, на которыхъ росли цѣлыя поколѣнія, въ свое время переводились съ нѣмецкихъ переводовъ. Если бы въ то время дѣйствовалъ проектъ закона объ авторскомъ правѣ съ соотвѣтственными конвенціями, то, весьма вѣроятно, что по аналогичной причинѣ эти сказки были бы недоступны русскимъ читателямъ.

Необходимо помнить, что ограниченіе свободы переводовъ затрудняетъ появленіе переводовъ не только тѣмъ, что иной переводъ можетъ не появиться вслѣдствіе прямого запрещенія автора, и оно вредно не только тѣмъ, что повышаетъ продажныя цѣны, вслѣдствіе необходимости платить добавочный гонораръ автору. Оно вызываетъ необходимость сношеній съ авторомъ, адресъ котораго можетъ быть не извѣстенъ, который можетъ

быть боленъ, который можетъ относиться небрежно къ своей перепискѣ и т. д.

Такимъ образомъ ограниченіе права переводовъ должно отразиться тяжело на интересахъ какъ русскихъ читателей, такъ и самой литературы (переводной).

4. Единственная болѣе или менѣе значительная категорія лицъ, которыя въ предѣлахъ Россіи могутъ быть заинтересованы въ ограниченіи свободы переводовъ,—это владѣльцы издательскихъ фирмъ, преимущественно крупныхъ; таковымъ сравнительно легко при ихъ крупныхъ средствахъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ центрами книгоиздательствъ за границей получить разрѣшеніе на право перевода, и имъ чрезвычайно выгодно монополизировать это право въ своихъ рукахъ.

Но комиссія С.-Петербургскаго Литературнаго Общества не видитъ ни малѣйшей надобности покровительствовать такимъ интересамъ въ ущербъ интересамъ читающей публики и просвѣщенія.

Укажемъ здѣсь, что то же самое мнѣніе дважды высказывала Академія Наукъ въ 1899 и 1906 годахъ (см. „журналъ Высочайше утвержденнаго совѣщанія", стр. 15—16).

Въ виду этого Литературное Общество предлагаетъ измѣнить редакцію 2-й ст. проекта вышеприведеннымъ способомъ.

Министерскій проектъ	*Проектъ Комиссіи Литературнаго Общества.*
4. Авторское право признается: 1) въ отношеніи произведеній, появившихся въ свѣтъ въ Россіи или находящихся еще въ неопубликованномъ видѣ,—за всѣми авторами и правопреемниками ихъ независимо отъ ихъ подданства; **2) въ отношеніи произведеній, появившихся въ свѣтъ заграницей,—за авторами, состоящими въ русскомъ подданствѣ, и за ихъ правопреемниками, хотя бы послѣдніе были иностранными подданными.**	4. Авторское право признается: въ отношеніи произведеній, появившихся въ свѣтъ, **какъ** въ Россіи, **такъ и за границей, а также** находящихся еще не въ опубликованномъ видѣ,—за всѣми авторами и правопреемниками ихъ, независимо отъ ихъ подданства.

Наша статья отличается отъ министерской въ сущности только въ редакціонномъ отношеніи, такъ какъ министерскій проектъ

тоже признаетъ авторское право за иностранцами, доказательствомъ чему служитъ статья 30, коей возбраняется перепечатка въ предѣлахъ Россіи произведеній, появившихся за-границей. Но министерскій проектъ противополагаетъ произведенія, появившіяся въ Россіи, произведеніямъ, появившимся за границей, ибо онъ включаетъ въ авторское право и исключительное право на переводъ, въ виду чего онъ не можетъ говорить о признаніи авторскаго права на произведенія, появившіяся за границей, пока не заключены конвенціи. Не признавая за авторомъ исключительнаго права на переводъ и включая въ понятіе авторскаго права главнымъ образомъ защиту автора отъ контрафакціи, мы можемъ говорить о признаніи въ Россіи авторскаго права на всѣ произведенія, независимо отъ мѣста ихъ появленія и подданства ихъ авторовъ. Какъ уже объяснено выше, комиссія считаетъ, что проектъ министра сталъ на совершенно правильную дорогу, оградивъ отъ перепечатки какъ тѣхъ русскихъ авторовъ, которые въ силу разныхъ обстоятельствъ издали въ первый разъ свои произведенія за границей, такъ и права авторовъ-иностранцевъ.

Министерскій проектъ.	*Проектъ Комиссіи Литературнаго Общества.*
6. Авторское право послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ по закону или по завѣщанію.	6. Авторское право, **если оно при жизни не было уступлено третьему лицу,** переходитъ къ наслѣдникамъ автора по завѣщанію, **а ежели авторъ не оставилъ завѣщанія, то къ его женѣ (мужу, если авторъ—женщина), и дѣтямъ, а при ихъ отсутствіи къ родителямъ, братьямъ, сестрамъ и ихъ дѣтямъ.**

Совершенно правильно министерскій проектъ говоритъ въ объяснительной запискѣ, что „автору нельзя отказать въ нравственномъ и юридическомъ правѣ заботиться объ участи своей семьи и близкихъ и объ обезпеченіи ихъ плодами своего авторскаго труда“.

Да, это право не только несомнѣнно, но и священно. Разъ вообще устанавливается посмертное авторское право, такъ кому-же имъ и пользоваться, какъ не тому, кого любилъ авторъ и кто,—разъ мы вращаемся въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, такъ подчеркнемъ это,—со смертью автора лишился кормильца.

И вотъ это-то и надо твердо помнить для правильной постановки вопроса о наслѣдованіи авторскаго права. Рѣчь о посмертномъ пользованіи можетъ идти только тамъ, глѣ *при жизни* автора была *забота*, была *близость*. При коллизіи культурныхъ и личныхъ интересовъ, только тогда и можно помириться съ переходомъ авторскихъ правъ къ лицамъ, непричастнымъ авторскому труду, если приходится поступаться въ пользу обезпеченія людей, о которыхъ болѣло сердце автора, кто дѣйствительно былъ ему близокъ.

Выдвигая принципъ заботъ какъ о „семьѣ", такъ и о „близкихъ", проектъ, однако, неодинаково послѣдователенъ въ логическомъ развитіи отношенія къ этимъ двумъ категоріямъ наслѣдниковъ.

Что значитъ обезпечить „близкаго"—совершенно ясно. „Близкій"—это человѣкъ, относительно котораго никакихъ объективныхъ, *юридическихъ* признаковъ нѣтъ: подруга жизни, воспитанникъ, товарищъ—все лица, которыя никакихъ формальныхъ требованій предъявить не могутъ. Способъ посмертныхъ заботъ о такихъ „близкихъ"—единственный и потому совершенно опредѣленный: въ ихъ пользу дѣлается завѣщаніе.

Но чрезвычайно неяснымъ представляется понятіе о „семьѣ". Кто входитъ въ ея составъ?

Житейское пониманіе слова „семья" сводится къ тѣмъ, которыхъ человѣкъ и нравственно, и юридически обязанъ, грубо выражаясь, «кормить». Это значитъ—жена, дѣти и родители. О братѣ, племянникѣ, теткѣ уже никто не считаетъ себя *обязаннымъ* заботиться постоянно. Имъ, что называется, „помогаютъ", когда могутъ. А затѣмъ начинается обширная категорія „родни": двоюродный братъ, троюродный братъ и т. д., матеріальныя заботы о которыхъ составляютъ рѣдчайшее исключеніе.

Вотъ почему министерскій проектъ, вводя въ обоснованіе посмертнаго авторскаго права принципъ *заботы* о „семьѣ", совершенно непослѣдователенъ, когда не дѣлаетъ при этомъ никакихъ ограниченій для тѣхъ родичей, которые въ кругъ семейныхъ заботъ обыкновенно не входятъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, къ вопросу о литературномъ наслѣдованіи просто примѣнить общегражданскія нормы. И проектъ, и представители теоретической науки признаютъ авторское право за jus sui generis и выдѣляютъ его изъ общаго понятія о собственности. Слѣдовательно, всѣ положенія общегражданскихъ нормъ въ приложеніи къ авторскому праву подлежатъ пересмотру. Разъ основной принципъ права соб-

ственности—вѣчность его—въ примѣненіи къ правамъ литературной собственности суженъ и ограниченъ, то какъ-же можно оставить безъ ограниченій такую, значительно меньшую часть этого права, какъ переходъ къ далекимъ членамъ рода?

Въ своихъ ограниченіяхъ авторскаго права законодательство считается съ тѣмъ вредомъ, который оно приноситъ общей культурѣ страны, и подыскиваетъ для него оправданіе, по вопросу же о наслѣдованіи дальними родственниками министерскій проектъ даже и попытки пока не дѣлаетъ и цѣликомъ принимаетъ общія нормы наслѣдованія по закону.

А между тѣмъ, какъ извѣстно, право наслѣдованія—одна изъ наиболѣе оспариваемыхъ частей ученія объ имущественныхъ правахъ. Можно назвать рядъ ученыхъ, вполнѣ буржуазнаго образа мыслей, недопускающихъ никакихъ колебаній въ самомъ существѣ права собственности и тѣмъ не менѣе отрицательно относящихся къ переходу собственности къ дальнимъ родичамъ. Протестъ противъ «американскихъ дядюшекъ», противъ сваливающихся съ неба наслѣдствъ становится теперь требованіемъ цивилистовъ, съ „утопизмомъ" ничего общаго не имѣющихъ.

Но тѣмъ паче сваливающіяся съ неба наслѣдства должны поражать насъ въ сферѣ литературнаго наслѣдованія, гдѣ благополучіе неожиданно разбогатѣвшаго наслѣдника идетъ въ разрѣзъ съ интересами культуры всей страны. Исторія крупныхъ русскихъ литературныхъ наслѣдствъ, *большая часть которыхъ* пошла вовсе не тѣмъ, которые были дѣйствительно близки нашимъ великимъ писателямъ, могла бы вообще дать очень поучительные выводы. Объ этомъ плѣнѣ лучшаго достоянія народа въ пользу лицъ, сплошь да рядомъ ничего общаго не имѣющихъ съ духомъ того, плодами работы которыхъ они пользуются, нельзя вообще говорить безъ горечи. Чего стоитъ одна жена Пушкина, можно прямо сказать, дважды погубившая его: одинъ разъ, когда она его подвела подъ пулю Дантеса, а другой разъ, когда благодаря ей 25-лѣтній срокъ литературной собственности былъ превращенъ въ 50-лѣтній, который именно на сочиненіяхъ Пушкина отразился особенно тяжело.

Но въ случаѣ съ Пушкинымъ рѣчь идетъ о женѣ, которую Пушкинъ любилъ, о которой онъ заботился, рѣчь идетъ о женѣ, правъ которой на наслѣдство во всякомъ случаѣ нельзя отрицать. Чтобы указать на примѣръ ненормальности литературнаго наслѣдованія дальнихъ родичей, укажемъ на возмутительный переходъ авторскихъ правъ Лермонтова къ лицу, совершенно ему чуждому.

Извѣстно полное одиночество Лермонтова, его озлобленіе противъ всего окружающаго, его неудовлетворенная потребность въ людяхъ, сколько-нибудь близкихъ. Но вотъ погибаетъ на дуэли этотъ человѣкъ, которому и „скучно и грустно“ со всѣми и „некому руку подать“, и тотчасъ-же выискивается какая-то троюродная тетка, уступаетъ свои „права“ Глазунову, и великій поэтъ на полвѣка попадаетъ въ издательскій плѣнъ, его сочиненія искуственно выбрасываются изъ народнаго обращенія, потому что издатель беретъ 5 р. за то, что потомъ продается за рубль.

Даже чисто-юридическія права этой десятой воды на киселѣ были столь проблематичны, что біографъ Лермонтова, покойный проф. П. А. Висковатовъ категорически ихъ оспаривалъ и утверждалъ, что всякій воленъ издавать Лермонтова еще до истеченія срока авторскаго права на его сочиненія. Онъ и сдѣлалъ это самъ въ 1889 т. (за 2 года до 50-лѣтія со дня смерти Лермонтова), и Глазуновъ не рѣшился привлечь сго къ суду.

Полное отсутствіе этическихъ основаній при литературномъ наслѣдованіи дальнихъ родичей привело Коммиссію къ рѣшенію, что этому вредному расширенію понятія о „семьѣ“ долженъ быть положенъ предѣлъ. Гдѣ нѣтъ заботы и душевной близости умирающаго писателя, тамъ не должно имѣть мѣсто и вреднѣйшее для интересовъ культуры пользованіе литературнымъ наслѣдствомъ.

Сама Комиссія, исходя изъ понятія о „семьѣ“ и „близкихъ“ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, пришла къ рѣшенію, что субъектами права литературнаго наслѣдованія должны быть только: 1) лица, въ пользу которыхъ сдѣлано завѣщаніе; 2) члены семьи по восходящей и нисходящей линіи, т. е. родители и дѣти, 3) жена (мужъ, если авторъ—женщина) и 4) братъ и сестра.

При совмѣстномъ обсужденіи настоящаго доклада въ совѣтѣ Литературнаго Общества и при бесѣдахъ съ членами общества въ отдѣльности, выяснилось, что идея ограниченія безграничнаго теперь права наслѣдованія авторскаго права встрѣчаетъ безусловное сочувствіе. Но при этомъ многіе высказываются, что ограниченія наслѣдованія одною только восходящею и нисходящею линіею, все-таки, очень сурово. Сынъ брата и сестры въ жизни часто лицо близкое.

Въ виду этихъ возраженій, вытекающихъ изъ понятія о дѣйствительности семейной близости, Комиссія не настаивала на исключеніи племянниковъ и племянницъ и только категорически защищаетъ свое основное положеніе: ни въ какомъ случаѣ нельз

примириться съ обогащеніемъ на счетъ культуры всей страны лицъ, связанныхъ съ авторомъ только мертвою схемою чисто формальной принадлежности къ одному роду.

О выморочности авторскаго права, если имъ не пользуются наслѣдники.

Министерскій проектъ.

7. Если авторъ не распорядился при жизни своимъ авторскимъ правомъ и послѣ него не осталось наслѣдниковъ по закону или по завѣщанію, то авторское право прекращается со дня смерти автора.

Авторское право послѣ одного изъ авторовъ произведенія, составленнаго совокупно нѣсколькими лицами, переходитъ, если умершій не распорядился своимъ авторскимъ правомъ при жизни и не оставилъ наслѣдниковъ по закону или по завѣщанію, къ остальнымъ авторамъ того произведенія.

Проектъ Коммиссіи Л. О.

7. Если авторъ не распорядился при жизни своимъ авторскимъ правомъ и послѣ него не осталось наслѣдниковъ по закону **(ст. 6)** или по завѣщанію, то авторское право прекращается со дня смерти автора.

Авторское право послѣ смерти одного изъ авторовъ произведенія, составленнаго въ совокупности нѣсколькими лицами, переходитъ, если умершій не распорядился своимъ авторскимъ правомъ при жизни и не оставилъ наслѣдниковъ по закону **(ст. 6)** или по завѣщанію, къ остальнымъ авторамъ того произведенія.

Если черезъ 5 или болѣе лѣтъ послѣ смерти автора какое-либо изъ его произведеній по какой бы то ни было причинѣ отсутствуютъ на книжномъ рынкѣ и правопреемники автора не имѣютъ намѣренія издавать его вновь, то каждый желающій имѣетъ право сдѣлать это. Чтобы убѣдиться въ отсутствіи намѣренія у правопреемниковъ автора воспользоваться по отношенію къ какому-либо его сочиненію своимъ правомъ, лицо, желающее издать это сочиненіе, обязано довести до ихъ свѣдѣнія о своемъ намѣреніи и сверхъ того, сдѣлать публикаціи въ наиболѣе распростра

ненныхъ газетахъ. Если правопреемники автора не издадутъ соотвѣтственнаго сочиненія въ теченіе двухлѣтняго срока послѣ того, какъ получатъ указанное извѣщеніе, то авторское право на него прекращается.

Послѣ словъ „по закону“ Коммиссія считаетъ нужнымъ привести ссылку на статью 6-ю, въ которой по проекту Коммиссіи наслѣдниками по закону могутъ быть только ближайшіе родственники автора.

Статью 7-ю, состоящую въ министерскомъ проектѣ изъ двухъ частей, Коммисія пополнила третьей частью, говорящей о прекращеніи авторскаго права на сочиненіе, отсутствующее на книжномъ рынкѣ. Основанія для этого дополненія у Комиссіи были слѣдующія.

Правопреемники автора могутъ не считать нужной перепечатку отсутствующей на книжномъ рынкѣ книги, какъ по небрежности, такъ и потому, что не разсчитываютъ извлечь изъ изданія книги достаточную матеріальную выгоду, такъ, наконецъ, и потому, что не сочувствуютъ развиваемымъ въ ней идеямъ. Этотъ послѣдній мотивъ въ особенности часто можетъ имѣть рѣшающее вліяніе на правопреемниковъ автора въ томъ случаѣ, когда произведенія автора болѣе или менѣе рѣзко распадаются на двѣ категоріи: на произведенія беллетристическія или научныя, чуждыя рѣзкой постановки острыхъ соціальныхъ вопросовъ, и произведенія публицистическія, занимающіяся именно соціальными вопросами. Мотивъ этотъ можетъ оказать рѣшающее вліяніе также въ томъ случаѣ, когда авторъ пережилъ значительную эволюцію въ своихъ политическихъ и литературныхъ взглядахъ, начавъ литературную дѣятельность радикализмомъ и кончивъ ее обскурантизмомъ, мистицизмомъ, или наоборотъ.

Если правопреемники автора, по какимъ бы то ни было соображеніямъ, не считаютъ нужнымъ перепечатывать произведенія автора, то съ точки зрѣнія общественныхъ и научныхъ интересовъ правильно признать авторское право на эти произведенія выморочнымъ. Справедливость и важность съ точки зрѣнія общественныхъ и научныхъ интересовъ такого рѣшенія врядъ ли можетъ подлежать оспариванію.

Но значительную трудность представляетъ установленіе условій, при которыхъ должны наступить эти послѣдствія. Самый

фактъ отсутствія на книжномъ рынкѣ не всегда и не для всѣхъ произведеній можетъ быть легко установленъ; книга можетъ находиться въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ на складѣ у издателя, но отсутствовать у книгопродавцевъ, которые не считаютъ нужнымъ держать ее у себя, какъ книгу мало ходкую, и въ то же время позволяютъ себѣ говорить покупателямъ, что этой книги нѣтъ въ продажѣ. (Иногда они искренно могутъ не знать о наличности ея у издателя). Иногда книга, дѣйствительно, можетъ выйти изъ продажи, и лицо, которому принадлежитъ на нее авторское право, можетъ имѣть намѣреніе ее издавать, но пока оно этого намѣренія не осуществило, книга, дѣйствительно, можетъ временно отсутствовать на книжномъ рынкѣ, при чемъ, однако, было бы крайне неправильно дать постороннему лицу возможность воспользоваться этимъ моментомъ для лишенія правопреемниковъ автора принадлежащаго имъ права. Въ виду этого Коммисія ставитъ условіемъ, чтобы лицо, желающее воспользоваться отсутствіемъ книги на рынкѣ для переизданія ея, формально оповѣщало бы правопреемниковъ автора и такимъ образомъ получало бы возможность удостовѣриться какъ въ отсутствіи книги на книжномъ рынкѣ, такъ и въ отсутствіи у правопреемниковъ намѣренія ее переиздавать.

О длительности авторскаго права.

Министерскій проектъ.

10. Авторское право на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія принадлежитъ автору въ теченіе всей его жизни, а наслѣдникамъ или инымъ правопреемникамъ его въ теченіе **пятидесяти лѣтъ** со времени смерти автора.

Проектъ Коммиссіи Л. О.

10. Авторское право на литературныя произведенія принадлежитъ автору въ теченіе всей его жизни, а наслѣдникамъ или инымъ правопреемникамъ его въ теченіе **тридцати лѣтъ** со времени смерти автора.

Сохраняя случайно установившійся у насъ 50-лѣтній срокъ длительности авторскаго права, министерскій проектъ ставитъ Россію въ обособленное положеніе среди культурныхъ странъ. Кромѣ болѣзненно-жаднаго во всѣхъ вопросахъ, гдѣ рѣчь идетъ о собственности, французскаго законодательства, такая продолжительность авторскаго права чужда наиболѣе совершеннымъ за-

конодательствамъ. Нѣмецкое законодательство не заражено никакими утопическими идеями, и нѣмцы свято охраняютъ всѣ имущественныя права. Тѣмъ не менѣе, въ Германіи авторское право ограничено 30-ю годами. Англійское законодательство также въ достаточной степени строго охраняетъ всѣ имущественныя права, но и тамъ авторское право продолжается всего 7 лѣтъ послѣ смерти писателя и 42 года послѣ выхода сочиненія. Въ Соед. Штатахъ, законодательство которыхъ тоже проникнуто глубочайшимъ уваженіемъ къ началамъ собственности, авторское право охраняется всего въ теченіе 42 лѣтъ со времени появленія въ свѣтъ произведенія, и погашается иногда даже при жизни автора. Въ Австріи, Швейцаріи, Даніи и др. странахъ максимальный срокъ 30 лѣтъ.

Забудемъ, однако, заграничныя нормы, и приглядимся къ тому, что говорятъ намъ цифры и факты русской литературной жизни. Посмотримъ, прежде всего, какъ великъ тотъ кругъ писателей, для которыхъ имѣетъ значеніе сохраненіе авторскаго права въ теченіе 50 лѣтъ? Въ дѣйствительности, число писателей, интересъ къ которымъ живетъ 50 лѣтъ, столь ничтожно, что класть это число въ основу законодательной нормы значитъ писать законы для нѣсколькихъ исключеній. Большинство писателей не то что спустя 50 лѣтъ, но и при жизни сплошь да рядомъ отживаетъ. Развѣ мы не знаемъ, что сколько-нибудь зажившіеся писатели и въ Европѣ, и у насъ умираютъ въ грустномъ сознаніи, что время ихъ отошло! Вся Европа 40-хъ годовъ воспиталась на Ж. Зандѣ, а кто ее читалъ, когда она доживала свой вѣкъ въ 70-хъ годахъ? На нашихъ глазахъ отошла полоса увлеченія Зола и другими французскими натуралистами. Какъ гремѣлъ у насъ лѣтъ 25 тому назадъ Шпильгагенъ, на которомъ выросло поколѣніе 70-хъ годовъ, и кто интересуется имъ теперь? Изъ русскихъ писателей опредѣленно ослабѣлъ интересъ къ Тургеневу, Островскому, Щедрину, уже не говоря о Писемскомъ и др. Очень ослабѣлъ интересъ къ столь недавно умершему Гл. Успенскому, сочиненія котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ были проданы одному провинціальному издателю за незначительную сумму. Три года тому назадъ выпущено собраніе сочиненій полвѣка находившагося подъ цензурнымъ запрещеніемъ Герцена. Издано, правда, неполно, съ урѣзками, однако, цензурой выброшено не такъ ужъ много,—приблизительно около 150 — 200 страницъ. И вотъ, несмотря на то, что публикѣ были предложены сочиненія одного изъ величайшихъ пи-

сателей, не только русской, но и всемірной литературы, писателя, ослѣпительно блестящаго, чтеніе котораго на людей прежнихъ поколѣній дѣйствовало опьяняюще, какъ шампанское, изданіе расходится очень плохо. Равнодушіе къ Герцену легко объясняется тѣмъ, что новая публика воспитана на литературѣ болѣе рѣзкой и радикальной. Пробовали объяснить равнодушіе къ Герцену неполнотой изданія, но вотъ въ „дни свободы“ вышло въ неурѣзанномъ видѣ „Съ того берега“, одна изъ глубочайшихъ книгъ, когда-либо написанныхъ, и публика отнеслась къ этому произведенію тоже вполнѣ равнодушно. А уже прямо трагедія разыгралась съ изданіемъ сочиненій Чернышевскаго, имя котораго 40 лѣтъ было окружено поистинѣ легендарными симпатіями. Несмотря на то, что сочиненія Чернышевскаго изданы поразительно дешево, успѣха они не имѣютъ никакого. Таковы законы смѣны общественныхъ настроеній.

Чтобы покончить съ вянущими литературными репутаціями, отмѣтимъ, что наше время особенно богато ими. Съ тою же быстротой отцвѣтаютъ знаменитости, съ какою онѣ нарождаются. Нѣтъ надобности называть имена, но въ литературныхъ кругахъ разскажутъ не одинъ случай, какъ писателю предлагали огромныя деньги за его сочиненія, а проходило нѣсколько лѣтъ, и уже никто не рѣшался предложить и половины.

Чтобы выяснить не только общими соображеніями, но и вполнѣ документально вопросъ о томъ, какъ великъ кругъ писателей, спросъ на произведенія которыхъ живетъ въ теченіе 50 лѣтъ, прослѣдимъ литературную некрологію за время 1855—1860 гг. Беремъ этотъ періодъ, потому что мы имѣемъ тутъ дѣло съ тѣми писателями, авторское право на сочиненія которыхъ истекло или истекаетъ въ наши дни. Посмотримъ, была ли какая-нибудь необходимость охранять ихъ авторскія права? Остановимся только на именахъ очень громкихъ, оставляя въ сторонѣ дѣятелей второстепенныхъ. За пятилѣтіе 1855—1860 гг. умерли слѣдующіе крупные представители литературы и гуманитарныхъ наукъ: Батюшковъ, Грановскій, братья Кирѣевскіе, Надеждинъ, Чаадаевъ, Кудрявцевъ, графиня Ростопчина, Сенковскій-Брамбеусъ, Сергѣй Аксаковъ, Константинъ Аксаковъ, Хомяковъ, Булгаринъ. Изъ всѣхъ этихъ писателей, пользовавшихся въ свое время широкою извѣстностью, сочиненія одного только Сергѣя Аксакова сохранили рыночную стоимость. Сочиненія нѣкоторыхъ сейчасъ названныхъ писателей вовсе даже не были изданы, какъ напримѣръ, Надеждина, Чаадаева; сочиненія другихъ были изданы въ ничтожномъ количествѣ экзем-

пляровъ вскорѣ послѣ смерти и вторымъ изданіемъ не выходили. Сочиненія знаменитаго остроумца Брамбеуса, столь гремѣвшаго въ 30-хъ годахъ, изданныя два года послѣ смерти, цѣликомъ пошли къ букинистамъ, и до сихъ поръ можно купить очень дешево совершенно чистые, неразрѣзанные ихъ экземпляры. Сочиненія Грановскаго, графини Ростопчиной, Батюшкова разошлись въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ. Такимъ образомъ, изъ 12 крупныхъ дѣятелей, умершихъ въ періодъ времени 1855—1860 гг., только по отношенію къ сочиненіямъ Сергѣя Аксакова 50-лѣтній срокъ имѣетъ коммерческое значеніе.

Но прибѣгнемъ къ еще болѣе характерной статистикѣ. Допустимъ, что срокъ длительности авторскаго права сокращенъ вдвое противъ существующей нормы. Допустимъ, что принято предложеніе одного изъ членовъ комиссіи ограничиться 25 годами. Въ этомъ случаѣ, въ нынѣшнемъ году кончалось бы право наслѣдниковъ писателей, умершихъ въ 1883 году. Зададимся теперь вопросомъ—сочиненія сколькихъ же изъ этихъ писателей сохранили какую-нибудь рыночную стоимость въ 1908 году? Воспользуемся для этого трудомъ Д. Д. Языкова, печатавшаго въ „Историч. Вѣстн.“ ежегодные обзоры трудовъ умершихъ писателей. По Языкову въ 1883 году всего умерло писателей и ученыхъ—77. Не станемъ перечислять ихъ всѣхъ, потому что Языковъ стремился къ идеальной полнотѣ и въ свой перечень включилъ писателей и ученыхъ всяческаго калибра, большихъ, среднихъ и малыхъ. Но это-то въ данномъ случаѣ и важно, потому что мы хотимъ говорить о литературѣ en bloc, а не объ единичныхъ исключеніяхъ. И вотъ, если мы начнемъ распредѣлять этихъ 77 писателей и ученыхъ, то окажется, что 55 изъ нихъ имѣютъ столь малый удѣльный вѣсъ, что о нихъ и говорить не приходится.

Ограничиваясь очень скромными требованіями, можно изъ 77 литературныхъ покойниковъ 1883 года выдѣлить слѣдующіе 22 имени: проф. Аландскій, археологъ Викторовъ, поэтъ-переводчикъ Гербель, проф. Герцъ, Жадовская, геологъ Влад. Ковалевскій, педагогъ баронъ Корфъ, Валентинъ Коршъ, санскритологъ Коссовичъ, Кошелевъ, славистъ Макушевъ, Мельниковъ-Печерскій, археологъ Мурзакевичъ, проф. Патлаевскій, астрономъ Савичъ, поэтъ Садовниковъ, поэтъ Тимоѳеевъ, Тургеневъ, физикъ Ходневъ, уголовный беллетристъ Шкляревскій, проф. Шкляревскій, Омулевскій-Ѳедоровъ. Мы были болѣе чѣмъ снисходительны при составленіи этого „пантеона“, включивъ въ него, на-ряду съ Тур-

геневымъ, бульварнаго беллетриста Шкляревскаго. И все-таки, даже эта снисходительность нимало не поколеблетъ вывода. Кто изъ этихъ избранниковъ имѣетъ дѣйствительно серьезную рыночную стоимость? Настоящую—одинъ только Тургеневъ, извѣстную цѣнность Мельниковъ-Печерскій и баронъ Корфъ, какъ авторъ въ свое время распространенныхъ учебниковъ.

Если обозначить рыночную неустарѣлость Тургенева 1, то Печерскому maximum можно дать 1/4, столько же Корфу, а затѣмъ пойдутъ 1/10, 1/20 и т. д. такимъ писателямъ, какъ Жадовская, Омулевскій и др. Всего вмѣстѣ получится 2, много 3 единицы.

Таковы цифры даже при 25-лѣтнемъ срокѣ. А при 50-лѣтнемъ срокѣ, кромѣ Тургенева и въ небольшой дроби Печерскаго, не останется прямо никого.

Думается, эти цифры доказываютъ совершенно незыблемо что для огромнѣйшаго большинства писателей установленіе длительности авторскаго права въ 50 лѣтъ лишено всякаго практическаго значенія. Это—срокъ для немногихъ литературныхъ избранниковъ.

Переходя къ этимъ избранникамъ, мы естественно сталкиваемся съ трудно улаживаемою коллизіею интересовъ правопреемниковъ великихъ писателей съ интересами всего общества. Конечно, правопреемникамъ желательно было бы не то что 50 лѣтъ длительности авторскаго права, а цѣлой вѣчности.

Нѣтъ надобности сколько-нибудь подробно останавливаться на иллюстрированіи того, въ какой мѣрѣ вреднымъ для интересовъ культуры является 50-лѣтнее загражденіе доступа великихъ произведеній въ народныя массы. Всѣ помнятъ, что было въ 1887 году съ сочиненіями Пушкина, а петербуржцы въ частности помнятъ 30 января 1887 г., когда публика буквально приступомъ взяла магазинъ „Новаго Времени“ и въ нѣсколько часовъ купила 6000 экземпляровъ дешеваго изданія сочиненій Пушкина. Вслѣдъ за этимъ, было выпущено нѣсколько сотъ тысячъ экземпляровъ всевозможными издателями, и все это было поглощено съ невѣроятной быстротой. То же повторилось съ Лермонтовымъ и Гоголемъ, повторится, конечно, своевременно съ Тургеневымъ, Достоевскимъ, Некрасовымъ. Какъ общій законъ можно установить, что прекращеніе монополіи на сочиненія великихъ писателей повышаетъ ихъ распространеніе прямо безмѣрно. До 1887 Пушкинъ расходился maximum по 2000 экз. въ годъ, съ 1887 г. онъ сталъ расходиться десятками тысячъ, а въ первые годы даже сотнями тысячъ.

Интенсивность этого духовнаго голода въ своей логической послѣдовательности, собственно, приводитъ къ иной постановкѣ вопроса. Надо принять серьезныя мѣры къ тому, чтобы великія сокровища духа, таящіяся въ сочиненіяхъ великихъ писателей нашихъ, стали національнымъ достояніемъ. Тутъ не слѣдовало бы даже останавливаться предъ крупными расходами.

При проведеніи желѣзной дороги не останавливаются предъ сотнями тысячъ и даже милліонами для отчужденія земель, по которымъ дорога проходитъ. Такъ почему бы націи не стать, напр., на мѣсто Глазунова и не предложить Тургеневу тѣ 50.000 р., за которые писатель продалъ свое авторское право? Для поднятія русской культуры Тургеневъ, можетъ быть, важенъ не менѣе новой желѣзнодорожной линіи. Тогда бы сочиненія Тургенева стоили не 15 руб., а какихъ-нибудь 2—3 р. Ассигнуются же огромныя суммы на поднятіе эстетическаго уровня народа путемъ пріобрѣтенія знаменитыхъ картинъ.

Комиссія, однако, категорически отказывается вступать на путь утопичныхъ, при современныхъ настроеніяхъ, предложеній и потому, низводя свои требованія къ самымъ минимальнымъ ограниченіямъ авторскаго права, она предлагаетъ перейти къ нормѣ наиболѣе культурныхъ странъ и установить 30-лѣтній срокъ. Уже тридцатилѣтній срокъ пользованія сочиненіями крупнаго писателя или ходкаго учебника даетъ прямо богатства. Учебники Ушинскаго въ тридцать лѣтъ дали больше милліона, сочиненія Достоевскаго, Некрасова, Тургенева—сотни тысячъ. Неужели этого мало, неужели во имя пресыщенія нѣсколькихъ лицъ надо обездоливать всю русскую культуру!

Объ авторскомъ правѣ на сборники народнаго творчества.

Министерскій проектъ.	*Проектъ Коммиссіи Л. О.*
12. Составители сборниковъ народныхъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, сказокъ, повѣстей, былинъ и тому подобныхъ произведеній народнаго творчества, сохранившихся въ изустномъ преданіи, а равно составители сборниковъ рисунковъ и иныхъ произведеній народ-	12. Составители сборниковъ народныхъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, сказокъ, повѣстей, былинъ и тому подобныхъ произведеній народнаго творчества, сохранившихся въ изустномъ преданіи, а равно и составители

наго искусства, пользуются авторскимъ правомъ на эти сборники въ теченіе **пятидесяти** лѣтъ со времени ихъ изданія.

Право это не препятствуетъ другимъ лицамъ составлять и издавать самостоятельные сборники тѣхъ же произведеній.

сборниковъ рисунковъ и иныхъ произведеній народнаго искусства пользуются авторскимъ правомъ на эти сборники въ теченіе **тридцати** лѣтъ со времени ихъ изданія.

Право это не препятствуетъ другимъ лицамъ составлять и издавать самостоятельные сборники тѣхъ же произведеній.

Министерскій проектъ объясняетъ,—и съ этими объясненіями Коммиссія Литературнаго Общества совершенно согласна,—почему авторское право на сборники народныхъ пѣсенъ и тому подобныя произведенія не должно быть столь длительнымъ, какъ авторское право на оригинальныя произведенія авторовъ. Въ то время, какъ авторское право на послѣднія сохраняется на всю жизнь автора и въ теченіе опредѣленнаго срока послѣ его смерти, авторское право на сборники народнаго творчества продолжается опредѣленный срокъ послѣ момента ихъ выхода въ свѣтъ. Согласившись съ этимъ принципомъ, Комиссія Литературнаго Общества считаетъ нужнымъ понизить 50-лѣтній срокъ министерскаго проекта до 30-лѣтняго срока. Министерскій проектъ устанавливаетъ 50-лѣтній срокъ по аналогіи со срокомъ авторскаго права послѣ смерти автора; комиссія дѣлаетъ то же самое и по тѣмъ же соображеніямъ понижаетъ его до 30 лѣтъ. (См. ст. 10).

Министерскій проектъ.

13. **Издатели газетъ, журналовъ и другихъ повременныхъ изданій, а также энциклопедическихъ словарей, альманаховъ и иного рода сборныхъ изданій, составленныхъ изъ отдѣльныхъ произведеній различныхъ авторовъ, имѣютъ исключительное право повторять это изданіе въ той же формѣ въ теченіе 50-ти лѣтъ со времени выхода ихъ въ свѣтъ.** Правило это имѣетъ

Проектъ Коммиссіи Л. О.

13. **Если изданіе состоитъ изъ произведеній разныхъ авторовъ, то авторское право по отношенію къ нему, какъ цѣлому, принадлежитъ редактору въ теченіе 30-ти лѣтъ со времени выхода его въ свѣтъ; если редакторъ не названъ, то издателю въ теченіе того же срока. Если до истеченія этого срока**

соотвѣтственное примѣненіе къ повременнымъ и сборнымъ изданіямъ **академій, университетовъ и вообще** ученыхъ, учебныхъ и другихъ установленій и обществъ.

Всякій сотрудникъ изданія, составленнего изъ произведеній различныхъ авторовъ, имѣетъ авторское право на свое отдѣльное произведеніе, если противное не установлено въ договорѣ. Однако авторы такихъ отдѣльныхъ сочиненій не могутъ безъ согласія издателей перепечатывать ихъ до истеченія 3-хъ мѣсяцевъ со времени помѣщенія этихъ произведеній **въ указанныхъ изданіяхъ.**

редакторомъ или его правопреемниками будетъ заявлено авторское право, то они вступаютъ въ свои права на общемъ основаніи сего закона (ст. 15).

Для переизданія своего сборнаго изданія въ измѣненномъ или хотя бы неизмѣненномъ видѣ редакторъ или издатель, однако, нуждается въ разрѣшеніи каждаго отдѣльнаго автора, произведеніе котораго напечатано въ его изданіи. Это не относится: во 1) до нумеровъ періодическихъ изданій, которые для удовлетворенія новыхъ подписчиковъ могутъ быть перепечатываемы редакторомъ или издателемъ въ неизмѣненномъ видѣ до истеченія подписного года, хотя бы и безъ согласія авторовъ, давшихъ для нихъ свои статьи, а во 2) до всѣхъ вообще сборныхъ изданій по истеченіи 30-лѣтняго срока со времени ихъ выхода, когда прекращается авторское право ихъ редактора, и когда въ измѣненномъ видѣ ихъ можетъ перепечатывать каждый желающій, помимо согласія авторовъ. Правило это имѣетъ соотвѣтственное примѣненіе къ повременымъ и сборнымъ изданіямъ **частныхъ литературныхъ, ученыхъ и другихъ обществъ; что же касается университетовъ, академій и другихъ государственныхъ учрежденій, то ихъ сборныя изданія въ цѣломъ могутъ быть перепечаты-**

ваемы каждымъ желающимъ, поскольку этимъ не нарушаются авторскія права отдѣльныхъ сотрудниковъ, произведенія которыхъ въ нихъ помѣщены.

Всякій сотрудникъ изданія, составленнаго изъ произведеній различныхъ авторовъ, имѣетъ авторское право на свое отдѣльное произведеніе, если противное не установлено въ договорѣ. Однако авторы такихъ отдѣльныхъ сочиненій не могутъ безъ согласія редактора или издателя перепечатывать ихъ до истеченія 3-хъ мѣсяцевъ со времени помѣщенія этихъ произведеній **въ сборникѣ или періодическомъ изданіи, выходящемъ не чаще одного раза въ недѣлю, и до истеченія одной недѣли со времени помѣщенія этого произведенія въ періодическомъ изданіи, выходящемъ два раза въ недѣлю или чаще.**

Статья 13-я касается сборныхъ изданій, т. е. газетъ, журналовъ, энциклопедическихъ словарей, альманаховъ, сборниковъ и проч., и является новинкою въ нашемъ авторскомъ правѣ; дѣйствующій законъ его не знаетъ, хотя нужда во взаимномъ разграниченіи правъ авторовъ, редакторовъ и издателей чувствовалась уже давно.

Статья 13 настоящаго проекта почти тождественна со статьею 7-ю проекта 1898 года.

Эта статья признаетъ по отношенію къ сборнымъ изданіямъ двоякое авторское право: за издателемъ она признаетъ авторское право на произведеніе, взятое въ цѣломъ, за авторами— авторское право на ихъ отдѣльныя произведенія, причемъ, однако, ограничиваетъ ихъ право запрещеніемъ печатать отдѣльно

свои произведенія въ теченіе опредѣленнаго (трехмѣсячнаго) срока со времени появленія ихъ въ сборникѣ или періодическомъ изданіи. Авторское право издателя на сборныя изданія устанавливается на 50-лѣтній срокъ по аналогіи съ общимъ срокомъ авторскаго права (ст.ст. 10 и 12).

Основная мысль, на которой построена настоящая статья, т. е. мысль о необходимости различенія между авторскимъ правомъ на сборныя произведенія, какъ на цѣлое, и авторскимъ правомъ на отдѣльныя произведенія, входящія въ его составъ, совершенно правильна. Книжка журнала, альманахъ, сборникъ или томъ энциклопедическаго словаря не представляютъ собою искусственно сшитаго переплетчикомъ собранія отдѣльныхъ произведеній отдѣльныхъ авторовъ. Каждая такая книжка является продуктомъ опредѣленнаго интеллектуальнаго труда, труда редакторскаго, и каждая изъ нихъ носитъ на себѣ отпечатокъ личности редактора, независимой отъ личностей работавшихъ для этой книжки авторовъ. Такимъ образомъ, каждая такая книжка представляетъ плодъ двоякаго труда, труда авторскаго въ тѣсномъ смыслѣ слова съ одной стороны и труда редакторскаго съ другой стороны, и каждый такой трудъ имѣетъ право на защиту со стороны закона. Мы можемъ себѣ представить, что какой-нибудь сборникъ будетъ составленъ изъ произведеній отдѣльныхъ авторовъ, которые, по случайному совпаденію, въ скоромъ времени перемрутъ, по другому случайному совпаденію,—не оставивъ наслѣдниковъ. Ихъ авторское право, слѣдовательно, погашается, и потому ихъ произведенія, взятыя въ отдѣльности, дѣлаются общимъ достояніемъ. Но живъ редакторъ сборника, который затратилъ извѣстный, быть можетъ, значительный трудъ на приглашеніе сотрудниковъ, на заказъ имъ статей, на ихъ редакцію и т. д. Сборникъ является его духовнымъ дѣтищемъ, и лишить его авторскихъ правъ на него было бы несправедливо.

Но по мнѣнію Комиссіи, министерскій проектъ поступилъ крайне неправильно, передавъ авторское право на такія изданія издателю, а не редактору. Это такъ же неправильно, какъ неправильно было бы передать авторское право на однажды изданную издателемъ книгу не автору, а именно издателю. Министерскій проектъ совершенно правильно признаетъ за издателемъ обыкновенной книги только тѣ права, которыя непосредственно и прямо уступлены ему авторомъ; поэтому по общему правилу (т. е. при отсутствіи особаго соглашенія) проектъ признаетъ

права издателя лишь на одно изданіе уступленной ему книги, сохраняя за авторомъ право на всѣ послѣдующія изданія. Тѣ же самыя отношенія существуютъ между редакторомъ сборника, энциклопедическаго словаря или журнала, и издателемъ. Трудъ, нуждающійся въ защитѣ, хотя и не авторскій въ точномъ смыслѣ слова, но приближающійся по своему характеру къ авторскому, принадлежитъ при созданіи подобныхъ произведеній редактору, и ни въ какомъ случаѣ не издателю, роль котораго по отношенію къ подобнымъ изданіямъ ничѣмъ не отличается отъ его же роли по отношенію къ отдѣльнымъ книгамъ. Въ виду этого Коммиссія Литературнаго Общества считаетъ болѣе правильнымъ признать авторское право на сборныя изданія, какъ на таковыя, за редакторомъ, а не за издателемъ.

Какъ уже сказано, ст. 13 настоящаго проекта представляетъ собою почти дословное повтореніе ст. 7 проекта 1898 года. И уже въ Союзѣ Писателей при обсужденіи въ немъ въ 1899 году правительственнаго проекта указывалось, что ст. 7 носитъ на себѣ „слѣды особой заботливости законодателя объ интересахъ издателя“ въ ущербъ интересамъ автора и редактора. Указывалось также, что „авторы проекта не въ достаточной мѣрѣ отличаютъ права издателя, какъ литературнаго предпринимателя, отъ тѣхъ правъ, которыя возникаютъ вслѣдствіе личнаго участія издателя въ предпріятіи посредствомъ приложенія труда. Точнѣе говоря, они считаютъ собственностью издателя духовный трудъ редактора, какъ купленный первымъ на началѣ частнаго найма. Игнорируя такимъ образомъ вовсе личность редактора, законодатель и для сотрудниковъ не даетъ настоящаго огражденія“.

Комиссія Литературнаго Общества считаетъ эти замѣчанія совершенно правильными и присоединяется цѣликомъ къ нимъ. Она считаетъ возможнымъ признать за издателемъ авторскія права исключительно въ томъ случаѣ, если редакторъ неизвѣстенъ, но и въ этомъ случаѣ признаетъ необходимымъ оградить право редактора или его правопреемниковъ во всякое время выступить и заявить свои авторскія права. Для составленія своего текста 1-й части ст. 13-й Коммиссія имѣла аналогію въ ст. 15 министерскаго проекта, которая тоже признаетъ авторскія права за издателемъ анонимнаго и псевдонимнаго произведенія, но только до тѣхъ поръ, пока анонимный авторъ или его правопреемникъ не заявитъ своихъ авторскихъ правъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мнѣнію Комиссіи, авторское право ре-

дактора не должно лишать авторовъ ихъ правъ. Для того, чтобы повторить редактированный имъ сборникъ хотя бы въ неизмѣнномъ видѣ, редакторъ долженъ получить согласіе всѣхъ авторовъ вторично. Авторъ можетъ вовсе не желать, чтобы его произведеніе появлялось въ извѣстной комбинаціи съ произведеніями другихъ авторовъ. Однажды онъ далъ редактору на это согласіе. Но если продажею изда:елю права на изданіе своей книги, авторъ не отчудилъ своего права навсегда, то нѣтъ основанія признавать, чтобы онъ отчудилъ навсегда свое право, уступивъ его редактору. Въ самомъ дѣлѣ, въ извѣстный историческій моментъ авторъ считалъ желательнымъ выступленіе въ печати вмѣстѣ съ авторами другихъ воззрѣній, находя, что данный моментъ благопріятенъ для подобнаго рода союзовъ и соглашеній. Проходитъ этотъ историческій моментъ; люди, выступившіе вмѣстѣ, быть можетъ, далеко разошлись въ разныя стороны, и автору или даже всѣмъ авторамъ кажется политически неудобнымъ выступать теперь вмѣстѣ въ одномъ и томъ журналѣ, въ одномъ и томъ же сборникѣ. Въ виду этого вполнѣ основательно желаніе авторовъ, чтобы переизданіе ихъ произведеній въ сборникахъ зависѣло отъ ихъ согласія.

Однако есть два исключенія изъ этого правила. 1) Редакція журнала напечатала первыя его книжки въ извѣстномъ количествѣ экземпляровъ, напримѣръ, въ 10 тысячахъ, въ разсчетѣ на соотвѣтственную подписку. Но подписка превзошла всѣ ожиданія, и редакціи журнала представляется дилемма: или прекратить подписку на весь годъ своего изданія, и принимать ее только со второго полугодія, со второй четверти года или хотя бы со второй книжки,—что крайне неудобно и невыгодно для распространенія журнала,—или допечатать первыя книжки журнала въ необходимомъ числѣ экземпляровъ вторымъ изданіемъ. Интересъ журнала въ большинствѣ случаевъ требуетъ именно послѣдняго рѣшенія. Ставить его исполненіе въ зависимость отъ произвола, а можетъ быть, и каприза каждаго отдѣльнаго автора, быть можетъ, лишь случайно связаннаго съ даннымъ журналомъ или даже съ литературой вообще, было бы крайне неправильно. Соображенія, которыя заставляютъ Коммиссію требовать авторскаго согласія для переизданія ихъ произведеній въ сборникахъ, альманахахъ или энциклопедическихъ словаряхъ, въ данномъ случаѣ не имѣютъ силы, во-первыхъ, потому что второе изданіе сборника, альманаха или словаря вовсе не обязательно должно быть точной копіей перваго изданія, тогда какъ второе изданіе

книжки журнала при указанныхъ выше обстоятельствахъ должно быть именно точною копiей перваго, а во-вторыхъ, потому что рѣчь идетъ о перепечаткѣ книжки журнала на протяженiи очень краткаго промежутка времени.

2) Черезъ 30 лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ сборника, альманаха, № перiодическаго изданiя, онъ можетъ имѣть только историческое значенiе. Въ Германiи къ 50-лѣтнему юбилею революцiи 1848 г., т. е. въ 1898 г., были перепечатаны многiе журналы и газеты (напр., „Kladderadatsch") за революцiонный перiодъ, какъ интересный историческiй матерiалъ. Весьма вѣроятно, что у насъ въ свое время будутъ перепечатываться цѣликомъ разныя изданiя 1905 года. Авторское право на нихъ, какъ на цѣлое, тогда уже прекратится, но авторское право на отдѣльныя статьи, связанныя съ жизнью авторовъ, можетъ еще продолжаться. Нельзя ставить переизданiе этихъ изданiй при такихъ обстоятельствахъ, придающихъ таковому переизданiю особое научное значенiе, въ зависимость отъ произвола авторовъ, которые, можетъ быть, совершенно измѣнятъ къ тому времени свои убѣжденiя. Въ соотвѣтствiи съ этимъ сдѣлана необходимая прибавка въ текстѣ Коммиссiи.

По аналогiи со срокомъ авторскаго права на всѣ вообще литературныя произведенiя и въ частности на изданiя древнихъ рукописей или же сборниковъ народныхъ пѣсенъ, сказокъ, былинъ и т. д. (ст. 10 и 12), министерскiй проектъ устанавливаетъ срокъ авторскаго права на сборныя изданiя въ 50 лѣтъ. Въ силу соображенiй, которыя высказаны при ст. 10 и 12, Коммиссiя сочла нужнымъ сократить его до 30 лѣтъ.

Основная идея, выраженная во второй половинѣ ст. 13 министерскаго проекта, въ силу которой авторы не имѣютъ права перепечатывать своихъ произведенiй изъ сборныхъ изданiй въ теченiе опредѣленнаго, не слишкомъ долгаго срока, тоже совершенно правильна. Комиссiя только считаетъ нужнымъ разграничить произведенiя, напечатанныя первоначально въ неперiодическихъ сборникахъ или въ ежемѣсячныхъ или хотя бы еженедѣльныхъ журналахъ, отъ произведенiй, напечатанныхъ въ газетахъ. Если отдѣльное изданiе какого-либо произведенiя, напечатаннаго въ журналѣ или сборникѣ, вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ этого изданiя можетъ повредить его успѣху и должно быть ограничено въ его интересахъ, то перепечатка газетной статьи въ формѣ брошюры успѣху газеты повредить совершенно не можетъ, такъ какъ старые номера газетъ, по общему правилу,

никѣмъ не покупаются и даже мало кѣмъ читаются. Если трехмѣсячный срокъ, на который министерскій проектъ ограничиваетъ право перепечатки отдѣльныхъ произведеній изъ сборниковъ или журналовъ, никоимъ образомъ не можетъ быть признанъ слишкомъ краткимъ, то недѣльный срокъ для произведеній, первоначально напечатанныхъ въ газетахъ, долженъ быть признанъ совершенно достаточнымъ, т. к. злободневная газетная статья черезъ 2—3 недѣли можетъ уже потерять всякое значеніе, а между тѣмъ общественный интересъ, какъ и личный интересъ автора, которому въ данномъ случаѣ совершенно не противорѣчитъ интересъ газеты, можетъ требовать ея переизданія въ формѣ брошюры.

Широко признавая авторскія права за издателями сборныхъ произведеній, министерскій проектъ признаетъ ихъ также за академіями, университетами и вообще учеными и учебными и другими установленіями и обществами. Въ этомъ отношеніи Комиссія Литературнаго Общества рѣшительно расходится съ составителями министерскаго проекта. Признавая, что авторское право есть монополія на изданіе опредѣленныхъ произведеній, создаваемая въ общественныхъ интересахъ, требующихъ обезпеченія вознагражденія за литературный трудъ, она не видитъ ни малѣйшей надобности признавать авторское право за учрежденіями государственными, существующими въ общественныхъ интересахъ и на народныя средства. Все, что печатается академіями, университетами и т. д., печатается непосредственно въ общественномъ интересѣ и въ признаніи монопольнаго права не нуждается. Конечно, вознагражденіе, получаемое авторами отъ академій, университетовъ и т. д., обыкновенно бываетъ далеко недостаточнымъ, и въ виду этого авторскій трудъ авторовъ, напечатавшихъ свои произведенія въ трудахъ академій, университетовъ и т. д., долженъ пользоваться полной защитой закона. Но академіи, университеты и т. д., какъ таковые, въ защитѣ своего авторскаго права не нуждаются. Это не распространяется, конечно, на частныя юридическія, историческія физико-математическія, медицинскія и т. п. общества, на благотворительныя учрежденія, въ родѣ Литературнаго Фонда, Общества Краснаго Креста и т. д., существующія обыкновенно главнымъ образомъ на членскіе взносы, для которыхъ скудный доходъ отъ ихъ издательской, часто весьма полезной, дѣятельности совершенно необходимъ для продолженія этой дѣятельности.

Объ исчисленіи срока авторскаго права произведеній, выходящихъ томами или выпусками.

Министерскій проектъ.

14. При исчисленіи срока авторскаго права со времени выхода въ свѣтъ произведенія, издаваемаго отдѣльными томами или выпусками, означенный срокъ исчисляется со времени выхода въ свѣтъ **послѣдняго тома или выпуска.**

Это правило примѣняется лишь въ случаѣ изданія отдѣльныхъ томовъ или выпусковъ въ промежутки не свыше двухъ лѣтъ. Въ противномъ случаѣ срокъ авторскаго права считается со времени выхода въ свѣтъ каждаго отдѣльнаго тома или выпуска.

Проектъ Комиссіи Л. О.

14. При исчисленіи срока авторскаго права со времени выхода въ свѣтъ произведенія, издаваемаго отдѣльными томами или выпусками, означенный **(въ ст. 10, 12, 13, 15, 16)** срокъ исчисляется со времени выхода въ свѣтъ **каждаго отдѣльнаго тома или выпуска.**

Министерскій проектъ установляетъ исчисленіе срока авторскаго права съ того момента, когда произведеніе можетъ считаться законченнымъ, однако, считаетъ нужнымъ, все-таки, предотвратить чрезмѣрное увеличеніе этого срока, ограничивъ установленное въ ст. 14 правило требованіемъ, чтобы отдѣльные томы выходили въ промежутки, не превышающіе двухъ лѣтъ. Комиссія Литературнаго Общества не видитъ въ этомъ правилѣ никакой надобности. Такое исчисленіе срока авторскаго права по отношенію къ періодическимъ изданіямъ (газетамъ, журналамъ, а также сборникамъ различныхъ научныхъ обществъ и т. д.) можетъ сдѣлать этотъ срокъ безконечнымъ. Если книга выходитъ отдѣльными томами, то мы имѣемъ всѣ основанія исчислять срокъ авторскаго права для каждаго тома или выпуска отдѣльно.

Объ авторскомъ правѣ на анонимныя и псевдонимныя произведенія.

Министерскій проектъ.

15. Издатель произведенія, выпущеннаго въ свѣтъ безъ означенія фамиліи автора (анонимнаго) или подъ вымышленнымъ именемъ (псевдонимнаго), пользуется авторскимъ на него правомъ въ продолженіе **пятидесяти лѣтъ** со времени выхода въ свѣтъ произведенія; но если до истеченія этого срока авторомъ, либо правопреемниками его заявлено будетъ авторское право на произведеніе, то они вступаютъ въ свои права на общемъ основаніи сего закона.

Проектъ Комиссіи Л. О.

15. Издатель произведенія, выпущеннаго въ свѣтъ безъ означенія фамиліи автора, (анонимнаго) или подъ вымышленнымъ именемъ (псевдонимнаго), пользуется авторскимъ на него правомъ въ продолженіе **тридцати лѣтъ** со времени выхода въ свѣтъ произведенія. Но если до истеченія этого срока авторомъ, либо правопреемникомъ его заявлено будетъ авторское право на произведеніе, то они вступаютъ въ свои права на общемъ основаніи сего закона.

Единственное измѣненіе, вносимое въ текстъ ст. 15 комиссіей Литературнаго Общества, состоитъ въ замѣнѣ пятидесятилѣтняго срока срокомъ тридцатилѣтнимъ. Мотивы указаны при ст.ст. 10 и 12-й.

Объ исчисленіи срока посмертнаго авторскаго права.

Министерскій проектъ.

16) **При исчисленіи сроковъ авторскаго права годъ смерти автора, а также годъ выпуска въ свѣтъ произведенія въ счетъ не принимаются, и срокъ считается съ 1-го января слѣдующаго года.**

Проектъ Комиссіи Л. О.

16. **Срокъ авторскаго права исчисляется со дня смерти автора или со дня выхода въ свѣтъ произведенія.**

Правило, установленное въ ст. 16 министерскаго проекта, безъ всякой нужды удлиняетъ и безъ того чрезмѣрно долгій срокъ авторскаго права. Но этого мало: оно разъединяетъ моментъ юбилейнаго чествованія памяти автора отъ того момента,

когда сочиненія автора дѣлаются дѣйствительно доступными широкимъ народнымъ массамъ, и безъ всякой надобности даетъ возможность издателямъ, въ рукахъ которыхъ находится авторское право на произведенія даннаго писателя, въ ущербъ обществу, получить значительныя выгоды отъ подъема общественнаго интереса къ сочиненіямъ даннаго писателя.

(Ст. 17—24 министерскаго проекта, по мнѣнію Комиссіи Л. О., не вызываютъ возраженій. Только одинъ членъ комиссіи С. Ф., Либровичъ остался, по поводу ст. 18, при особомъ мнѣніи, которое и печатается ниже).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Авторское право на литературныя произведенія.

Министерскій проектъ.

26. Частныя письма, не предназначавшіяся авторомъ къ напечатанію, **могутъ быть изданы въ свѣтъ лишь съ обоюднаго согласія автора и лица, которому они были писаны; въ случаѣ же смерти кого-либо изъ означенныхъ лицъ, съ согласія лицъ, имѣющихъ послѣ нихъ право наслѣдованія по закону. По истеченіи 50-ти лѣтъ со времени смерти послѣдняго изъ лицъ, которыя вели между собою переписку, частныя письма могутъ быть издаваемы безъ испрошенія чьего-либо согласія.**

Проектъ Комиссіи Л. О.

26. Частныя письма, не предназначавшіяся авторомъ къ напечатанію, **не составляютъ предмета авторскаго права. Опубликованіе ихъ можетъ дать поводъ къ преслѣдованію за клевету, оскорбленіе и т. д. на общемъ основаніи.**

Статья 26-я министерскаго проекта, обусловливающая печатаніе частныхъ писемъ согласіемъ какъ ихъ автора, такъ и лица, которому они писаны, а въ случаѣ ихъ смерти согласіемъ ихъ наслѣдниковъ по закону, представляетъ по существу воспроизведеніе (съ однимъ существеннымъ измѣненіемъ) статьи 9-й нынѣ дѣйствующаго закона. Въ законѣ объ авторскомъ правѣ она является совершенно излишней, а въ нѣкоторомъ отношеніи даже вредной. Если вредъ этой статьи до сихъ поръ мало чувствовался, то главнымъ образомъ потому, что о ней мало кто зналъ и по общему правилу она на практикѣ не соблюдалась. Примѣненіе этой статьи, т. е. запрещеніе публикованія частныхъ писемъ безъ согласія ихъ авторовъ и адресатовъ или же наслѣдниковъ тѣхъ и другихъ, можетъ лишить литературу на долгое время очень цѣнныхъ документовъ. Переписка Пушкина съ женой была напечатана Тургеневымъ до истеченія 50-лѣтняго срока со дня смерти Пушкина и его жены, безъ согласія и вопреки желанію сыновей Пушкина, а между тѣмъ,

эти письма представляютъ неоцѣнимый матеріалъ для біографіи Пушкина. Сыновья Пушкина, какъ сообщаетъ Тургеневъ въ письмѣ Я. Полонскому *), собирались ѣхать въ Парижъ, чтобы „бить“ его за напечатаніе непріятныхъ имъ писемъ безъ ихъ разрѣшенія. Къ счастью, сыновья Пушкина, повидимому, не знали, что они могли бы привлечь Тургенева къ суду по обвиненію въ контрафакціи, какъ квалифицируетъ нашъ дѣйствующій законъ всякое опубликованіе какого бы то ни было произведенія безъ согласія лицъ, имѣющихъ на него авторское право.

Печатались и печатаются у насъ безъ двойного согласія наслѣдниковъ авторовъ и адресатовъ письма Гоголя, Тургенева, Достоевскаго, Писемскаго, Чехова, вообще весьма многихъ писателей, а также общественныхъ дѣятелей.

Строгое исполненіе ст. 9-й дѣйствующаго закона или ст. 26-й проекта можетъ оказаться чрезвычайно тяжелымъ для литературы и науки, въ частности для исторіи и исторіи литературы. Конечно, въ иныхъ случаяхъ опубликованіе частнаго письма, раскрывающаго какія-либо обстоятельства личной или семейной жизни автора-ли письма, его адресата, или третьяго лица, можетъ быть непріятно кому-либо изъ этихъ лицъ, будучи въ то же время совершенно ненужнымъ ни въ интересахъ исторической науки, ни въ интересахъ литературы, и дразня только нездоровые инстинкты читающей публики. Но для борьбы съ этимъ существуютъ общіе уголовные законы о клеветѣ, диффамаціи и т. д., а закону объ авторскомъ правѣ въ этой области дѣлать нечего.

Законъ объ авторскомъ правѣ имѣетъ въ виду литературныя или научныя произведенія (ст. 1), а къ числу такихъ частныя письма отнесены быть не могутъ. Такъ именно смотритъ на частныя письма и новѣйшее (1901 г.), во многихъ отношеніяхъ наиболѣе совершенное германское законодательство объ авторскомъ правѣ, въ которомъ вовсе нѣтъ статьи, соотвѣтствующей ст. 9-й нашего дѣйствующаго закона или ст. 26 министерскаго проекта. Какъ показываютъ рѣшенія имперскаго германскаго суда (Reichsgericht), въ Германіи частныя письма вовсе не признаются литературными произведеніями и не составляютъ предмета авторскаго права (Briefe sind keine Schriftwerke, см. текстъ закона объ Urheberrecht съ разъясненіями, изд. Гуттентага, стр. 32).

*) Первое собраніе писемъ И. С. Тургенева. Изданіе Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ. С.-Петербургъ. 1884. Стр. 330.

Но если еще и можно признать авторское право на письма за ихъ авторами, то запрещеніе печатать собственныя письма безъ разрѣшенія лица, которому они были адресованы, прямо противорѣчитъ ст. 2-й того же проекта, признающей за авторомъ право „всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе“.

Повторяя въ главномъ статью 9-ю дѣйствующаго закона, ст. 26-я проекта допускаетъ, однако, одно нововведеніе, и притомъ не къ лучшему: по дѣйствующему закону для опубликованія переписки между умершими лицами требуется согласіе ихъ наслѣдниковъ, а проектъ говоритъ о согласіи наслѣдниковъ по закону, исходя изъ убѣжденія, что только таковые, т. е. лица, которыя „стояли къ нему (автору или адресату письма) дѣйствительно близко, т. е. обыкновенно его семья и вообще ближайшіе родственники“ „заинтересованы въ недопущеніи огласки частныхъ бумагъ умершаго“; „другими словами, въ данномъ случаѣ имѣетъ значеніе не фактъ полученія наслѣдства, а родственная близость между умершимъ и наслѣдникомъ, которою опредѣляется самый порядокъ наслѣдованія по закону“. Именно этимъ послѣднимъ аргументомъ составители проекта показываютъ, на какую шаткую почву вступили они здѣсь. Какъ извѣстно, авторское право по наслѣдству по закону нерѣдко достается самымъ отдаленнымъ родственникамъ, у которыхъ съ умершимъ нѣтъ никакой родственной близости; во всякомъ случаѣ, фактомъ завѣщанія своего авторскаго права или вообще передачи по завѣщанію своихъ имущественныхъ правъ, умершій доказалъ, что онъ чувствуетъ гораздо большую близость къ своему наслѣднику по завѣщанію, чѣмъ къ обойденнымъ имъ близкимъ или дальнимъ родственникамъ. Между тѣмъ, законопроектъ, явно игнорируя эту волю умершаго, передаетъ возможность распоряжаться его духовнымъ достояніемъ людямъ, ему по духу, можетъ быть, совершенно чуждымъ, которыхъ онъ прямо желалъ отстранить отъ распоряженія своимъ духовнымъ наслѣдствомъ. Онъ даже отказываетъ писателю въ правѣ морально распорядиться въ своемъ завѣщаніи судьбою своихъ писемъ, предоставивъ ихъ опубликованіе близкому ему лицу. Такимъ образомъ, проектъ въ этомъ отношеніи не только принимаетъ устарѣвшую и подлежащую устраненію статью дѣйствующаго закона, но дѣлаетъ даже шагъ назадъ сравнительно съ нею, и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ такое вторженіе въ сферу завѣщательнаго права, которое совершенно противорѣчитъ существующему законодательству и завѣщательной практикѣ.

Само собою разумѣется, что 26-я статья проекта въ редакціи Комиссіи Литературнаго Общества не только не противорѣчитъ ст. 13-й (о сборныхъ изданіяхъ), но находитъ въ ней весьма важное дополненіе и разъясненіе. Письма не должны составлять предмета авторскаго права, но сборникъ писемъ (напр., собраніе писемъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, переписка Герцена съ Кавелинымъ и Тургеневымъ, переписка Бакунина), на составленіе котораго (т. е. на собираніе писемъ, на ихъ расшифровку, на ихъ распредѣленіе, иногда на снабженіе необходимыми примѣчаніями), затраченъ извѣстный болѣе или менѣе значительный трудъ редакторомъ, такой сборникъ писемъ является предметомъ авторскаго права редактора, какъ всякое сборное изданіе, причемъ это авторское право регулируется на основаніи ст. 13 настоящаго проекта.

Авторское право издателей древнихъ рукописей.

Министерскій проектъ.

28. Издатель древней рукописи пользуется авторскимъ правомъ на свое изданіе въ теченіе **пятидесяти лѣтъ** со времени выхода его въ свѣтъ; это право не препятствуетъ, однако, другимъ лицамъ издавать въ самостоятельной обработкѣ ту же рукопись.

Проектъ Комиссіи Л. О.

28. Издатель древней рукописи пользуется авторскимъ правомъ на свое изданіе въ теченіе **тридцати лѣтъ** со времени выхода его въ свѣтъ; это право не препятствуетъ, однако, другимъ лицамъ издавать въ самостоятельной обработкѣ ту же рукопись.

Мотивы измѣненія срока тѣ же самыя, что и въ ст. 12-й.

Объ обратномъ переводѣ съ перевода на языкъ подлинника.

Министерскій проектъ.

31. **Авторъ сочиненія, изданнаго въ Россіи, а также русскій подданный, напечатавшій свое сочиненіе за границею, пользуются исключительнымъ правомъ перевода на другіе языки, если на заглавномъ листѣ или въ**

Проектъ Комиссіи Л. О.

31. Обратный на языкъ подлинника переводъ съ перевода не допускается въ теченіе всего срока авторскаго права на подлинное произведеніе.

предисловіи сочиненія заявили о сохраненіи за собою этого права.

Исключительное право перевода принадлежитъ автору въ теченіе десяти лѣтъ со времени изданія подлинника, подъ условіемъ напечатанія перевода авторомъ въ теченіе пяти лѣтъ со времени изданія подлинника.

Обратный на языкъ подлинника переводъ съ перевода не допускается въ теченіе всего срока авторскаго права на подлинное произведеніе.

Мотивы исключенія первыхъ двухъ частей статьи 31-й объяснены при ст. 2-й.

Одно мнѣніе.

Что касается части 3-й ст. 31 министерскаго проекта, то она является новой въ нашемъ законодательствѣ. Составителями министерскаго проекта она заимствована изъ германскаго закона объ авторскомъ правѣ 1901 г. (ст. 12-я п. 2). Въ германскомъ законѣ она является необходимымъ дополненіемъ къ п. 1 той же статьи 12, признающему право на переводъ за одинъ изъ элементовъ авторскаго права. Но даже не признавая этого принципа, есть основаніе признавать принципъ, положенный въ основу части 3-й ст. 31-й. Въ самомъ дѣлѣ, мы можемъ признать свободу перевода сочиненій русскаго писателя (безразлично—беллетриста или ученаго) на иностранные языки; но если каждый желающій можетъ съ иностраннаго языка перевести какое-либо произведеніе обратно на русскій языкъ, то этимъ предоставляется значительный просторъ нечистоплотной конкуренціи, которая можетъ нанести дѣйствительный ущербъ вполнѣ законнымъ интересамъ автора. Подобные случаи особенно вѣроятны тогда, когда авторъ выпускаетъ свое произведеніе сначала въ переводѣ на иностранный языкъ, откладывая по какимъ-либо причинамъ опубликованіе его въ подлинникѣ на нѣкоторое время. Законъ не можетъ разбирать, являются-ли соображенія автора резонными или нѣтъ, и во всякомъ случаѣ, долженъ оградить право автора распоряжаться своимъ произведеніемъ на своемъ родномъ языкѣ.

Другое мнѣніе.

Что касается части 3-й ст. 31-й министерскаго проекта, то она является въ нашемъ законѣ новой. Составители министерскаго проекта заимствовали ее изъ германскаго закона объ авторскомъ правѣ 1901 года (ст. 12-я п. 2-й). Тамъ она является необходимымъ дополненіемъ къ пункту 1 той же ст. 12-й, признающему право на переводъ за одинъ изъ элементовъ авторскаго права. Нѣтъ сомнѣнія, что эту 3-ю часть ст. 31-й можно признавать и независимо отъ признанія или непризнанія за авторомъ исключительнаго права на переводъ. Въ самомъ дѣлѣ: обратный переводъ съ перевода всегда можетъ явиться конкуренціей подлиннаго изданія, въ особенности для произведенія научнаго (напр., сочиненія по химіи, физикѣ, математикѣ и т. д.), достоинства слога которыхъ не играютъ сколько-нибудь существенной роли.

Если даже авторъ, давшій возможность иностранному переводчику перевести его произведеніе съ рукописи и выпустить въ свѣтъ раньше, чѣмъ оно появится въ подлинникѣ, почему-либо замедлитъ изданіемъ подлинника, то и въ такомъ случаѣ было бы, можетъ быть, желательно оградить право автора распоряжаться, по крайней мѣрѣ, при его жизни судьбою своего произведенія на своемъ родномъ языкѣ, причемъ законъ не долженъ и не можетъ подвергать критической оцѣнкѣ резонность или нерезонность соображеній автора, такъ поступающаго.

Тѣмъ не менѣе ч. 3-я ст. 31-й министерскаго проекта вызываетъ и весьма серьезныя возраженія, по крайней мѣрѣ, въ своей настоящей, слишкомъ категорической формѣ. Она говоритъ о переводѣ съ перевода, совершенно не разбирая различныхъ случаевъ такого перевода съ перевода. Извѣстно, что нѣсколько стихотвореній Лермонтова, переведенныхъ на нѣмецкій языкъ Боденштедтомъ, были потеряны въ подлинникѣ. Неужели можетъ имѣть смыслъ запрещать обратный переводъ этихъ стихотвореній на все время авторскаго права, т. е. на пятьдесятъ или тридцать лѣтъ со дня смерти Лермонтова во имя авторскаго права, въ дѣйствительности даже не существующаго, такъ какъ подлинныя стихотворенія затеряны? То же самое можетъ повториться и въ наше время, причемъ одинаково, какъ съ произведеніемъ стихотворнымъ, такъ и съ произведеніемъ прозаическимъ.

Конечно, это случай рѣдкій. Но и вообще случай перевода съ перевода въ дѣйствительности настолько рѣдокъ, что нѣтъ

надобности ради него, ради почти чисто теоретической возможности, писать законъ, который все же въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ оказаться вреднымъ. До сихъ поръ этого закона не было, а всѣ случаи обратнаго перевода съ перевода могутъ быть пересчитаны по пальцамъ (нѣкоторыя произведенія Тургенева и Льва Толстого до появленія ихъ въ подлинникѣ, если не считать указаннаго случая съ Лермонтовымъ) и всѣ они не имѣютъ практическаго значенія.

О переводахъ сочиненій иностранныхъ поданныхъ, вышедшихъ за границею.

Министерскій проектъ.	*Проектъ Коммиссіи Л. О.*
33. **Изданныя за границею сочиненія иностранныхъ подданныхъ, если противное не установлено въ договорахъ, заключенныхъ Россіей съ иностранными государствами, могутъ быть переводимы на русскій и иные языки.**	33. Исключается.

Мотивы, руководившіе Коммиссіею при исключеніи ст. 33-й, объяснены при ст. 2-й.

Объ авторскомъ правѣ на рѣчи.

Министерскій проектъ.	*Проектъ Коммиссіи Л. О.*
35. **Каждый въ правѣ печатать обнародованные надлежащимъ порядкомъ законы и правительственныя распоряженія и оффиціально опубликованные во всеобщее свѣдѣніе матеріалы къ нимъ, а также рѣшенія судебныхъ установленій и постановленія земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраній съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ**	35. **Текстъ законовъ, законопроектовъ, правительственныхъ распоряженій, оффиціальныхъ матеріаловъ и записокъ, рѣшенія судебныхъ установленій, постановленія Государственной Думы, Гос. Совѣта, земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ и публичныхъ собраній, а также пренія на нихъ не составляютъ предмета авторскаго права. Но за-**

въ уставѣ о цензурѣ и печати. (Св. зак. т. XIV, изд. 1890 г.).

36. **Рѣчи, произнесенныя публично въ законодательныхъ учрежденіяхъ, судебныхъ установленіяхъ, въ земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, и вообще во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ могутъ быть печатаемы въ повременныхъ изданіяхъ безъ согласія автора. За авторомъ сохраняется, однако, право на изданіе какъ отдѣльныхъ рѣчей, такъ и сборника ихъ.**

пись или отчетъ о преніяхъ въ упомянутыхъ установленіяхъ или собраніяхъ составляетъ предметъ авторскаго права лица, которое произвело эту запись или составило отчетъ, если только эта запись или этотъ отчетъ составлены не по порученію судебнаго установленія, Гос. Думы, Гос. Совѣта, земскаго собранія, городской думы или другого правительственнаго или общественнаго учрежденія, въ каковыхъ случаяхъ они не составляютъ предмета авторскаго права и могутъ быть перепечатываемы каждымъ желающимъ.

36. **Отдѣльныя рѣчи составляютъ предметъ авторскаго права и не могутъ быть печатаемы безъ согласія произнесшаго ихъ лица иначе, какъ въ отчетѣ о засѣданіи, составною частью котораго онѣ являются, печатаемомъ въ періодическомъ изданіи, только въ томъ случаѣ, если онѣ представляютъ изъ себя научный докладъ, лекцію, литературное произведеніе.**

За ораторомъ сохраняется исключительное право на изданіе сборника своихъ рѣчей.

Нынѣ дѣйствующее законодательство, регламентируя право печатанія отчетовъ о публичныхъ засѣданіяхъ, исходитъ, главнымъ образомъ, не изъ соображеній авторскаго права, а изъ соображеній цензурнаго свойства, хотя и включаетъ свои постановленія въ текстъ закона о литературной собственности. Что же касается отдѣльныхъ рѣчей, то оно признаетъ ихъ цѣликомъ предметомъ исключительнаго права автора (ст. 13-я закона о литературной собственности, т. X, ч. I, прилож. къ ст. 420-й). Статья эта, какъ и ст. 9 (см. выше, при статьѣ 26 проекта) тоже совершенно игнорировалась практикой, и рѣчи какъ судебныхъ, такъ и земскихъ, и митинговыхъ ораторовъ и, наконецъ, ораторовъ Гос. Думы, печатались до сихъ поръ безъ испрашиванія ихъ согласія. Только „Учрежденія“ Гос. Совѣта и Гос. Думы установили, наконецъ, право печатанія отчета объ ихъ засѣданіяхъ,

и то сдѣлали это въ такихъ выраженіяхъ, которыя съ точки зрѣнія авторскаго права могутъ подать поводъ къ весьма значительнымъ недоразумѣніямъ.

Министерскій проектъ объ авторскомъ правѣ дѣлаетъ въ этомъ отношеніи значительный шагъ впередъ сравнительно съ дѣйствующимъ законодательствомъ, хотя на немъ все же чувствуется вліяніе цензурной заботливости дѣйствующаго законодательства, и подъ этимъ вліяніемъ составители проекта включаютъ въ него такія постановленія, которымъ во всякомъ случаѣ не мѣсто въ законѣ объ авторскомъ правѣ. Сверхъ того, министерскій проектъ не дѣлаетъ всѣхъ необходимыхъ выводовъ изъ принятаго имъ положенія о свободѣ печатанія отчетовъ о публичныхъ засѣданіяхъ и признаетъ эту свободу только для повременныхъ изданій, ограничивая ее для брошюръ и книгъ.

Коммисія Литературнаго Общества, признавая правильнымъ основной принципъ, положенный въ основу 35-й и 36-й статьи проекта, считаетъ нужнымъ расширить его примѣненіе.

Министерскій проектъ говоритъ о свободѣ печатанія текстовъ законовъ, правительственныхъ распоряженій и оффиціально опубликованныхъ матеріаловъ къ нимъ. Коммисія не видитъ никакой надобности связывать вопросъ объ авторскомъ правѣ съ фактомъ оффиціальной публикаціи. Она исходитъ изъ убѣжденія, что оффиціальные документы какого бы то ни было рода, безразлично, опубликованные или неопубликованные, не могутъ составлять предмета авторскаго права. Если издатель, опубликовавшій ихъ, можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію, то развѣ по обвиненію въ государственной измѣнѣ, въ тайномъ похищеніи документовъ, въ разглашеніи государственной тайны и т. д., но никоимъ образомъ не по обвиненію въ нарушеніи чьего бы то ни было авторскаго права, т. е. въ контрафакціи (ст. 1684 Улож. о нак.). Министерскій проектъ, перечисляя тѣ оффиціальныя произведенія, которыя не составляютъ предмета авторскаго права, и называя въ ихъ числѣ рѣшенія судебныхъ установленій и постановленія земскихъ и т. д. собраній, не упоминаетъ вовсе о Госуд. Думѣ и Гос. Совѣтѣ (это объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что проектъ, опубликованный въ 1907 году, въ дѣйствительности былъ составленъ гораздо раньше), не упоминаетъ также объ обвинительныхъ актахъ и тому подобныхъ произведеніяхъ. Объясняется это, очевидно, все тѣмъ же стремленіемъ цензурнаго свойства ограничить свободу печатанія различныхъ отчетовъ посредствомъ

признанія за ними авторскаго права, каковое, очевидно, для нихъ признано быть не можетъ. Коммисія считаетъ нужнымъ обобщить постановленія ст. 35-й и отвергнуть авторское право для отчетовъ о всемъ происходящемъ на общественныхъ или вообще публичныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она сочла нужнымъ позаботиться объ авторскихъ правахъ стенографовъ и репортеровъ или редакцій, пославшихъ ихъ на извѣстное засѣданіе, о которыхъ министерскій проектъ совершенно забылъ. Составленіе отчета, какъ полнаго стенографическаго, такъ и сокращеннаго-репортерскаго, требуетъ значительнаго труда, нуждающагося въ защитѣ закона. Но отчеты, напечатанные государственнымъ или общественнымъ учрежденіемъ, какъ - то: Гос. Думой, земскимъ собраніемъ и т. д., не нуждающимися въ полученіи дохода отъ своихъ отчетовъ, должны быть, конечно, совершенно свободны (ср. ст. 13-ю объ изданіяхъ академіей, университетовъ и т. д.).

Министерскій проектъ, признавая свободу печатанія публичныхъ рѣчей для періодическихъ изданій, въ то же время признаетъ эти рѣчи предметомъ авторскаго права, поскольку онѣ печатаются въ отдѣльныхъ брошюрахъ, въ какихъ-нибудь книгахъ или въ видѣ сборника рѣчей одного оратора. По мнѣнію коммисіи свободу печатанія рѣчей нужно расширить, а объемъ авторскаго права на нихъ слѣдуетъ сократить. Всякая рѣчь, произнесенная на судѣ, въ Гос. Думѣ, на земскомъ собраніи и т. д. является актомъ общественнаго служенія; адвокатъ, говорящій свою рѣчь, уже получаетъ свое вознагражденіе отъ тяжущагося, прокуроръ получаетъ его въ видѣ жалованія отъ казны; предсѣдатель суда — тоже; членъ Гос. Думы или Гос. Совѣта также получаетъ вознагражденіе за свою дѣятельность въ качествѣ члена Думы или Совѣта. Гласный земства или городской думы, правда, вознагражденія не получаетъ; не получаетъ его и подсудимый, тяжущійся, экспертъ и свидѣтель на судѣ, которые иногда произносятъ длинныя рѣчи. Но разъ эта рѣчь была произнесена въ публичномъ засѣданіи, она должна признаваться актомъ общественнаго служенія и дѣлаться общественнымъ достояніемъ; она произносится, какъ исполненіе общественной обязанности, и общество имѣетъ на нее неотъемлемое право. Конечно, нельзя говорить, что подсудимый, истецъ или отвѣтчикъ въ гражданскомъ процессѣ, говоря свои рѣчи, исполняютъ свою обязанность. Но зато судъ, въ которомъ при открытыхъ дверяхъ ведется судебное слѣдствіе или пренія, является въ полной мѣрѣ обществен-

нымъ дѣломъ и въ полномъ правѣ общества на произнесенныя тамъ рѣчи лежитъ одна изъ гарантій правосудія. Такимъ образомъ, ограничить свободу печатанія отчетовъ о судебныхъ, думскихъ, земскихъ и т. п. засѣданіяхъ постановленіемъ объ авторскомъ правѣ на рѣчи значило бы нанести ударъ принципу гласности этихъ засѣданій.

Весьма нерѣдко рѣчь, произнесенная въ Гос. Думѣ, судѣ или на какомъ-нибудь другомъ общественномъ собраніи, заслуживаетъ самаго широкаго распространенія въ народныхъ массахъ; между тѣмъ ораторъ, произнесшій ее, по какой-либо причинѣ можетъ этого не желать; депутатъ можетъ не желать распространенія своей рѣчи именно среди своихъ избирателей, и можетъ надѣяться, что въ формѣ газетныхъ отчетовъ до нихъ она не дойдетъ; напротивъ, политическіе противники этого оратора могутъ желать такого распространенія, напр., во время избирательной борьбы; прокуроръ или адвокатъ можетъ находить, что его рѣчь исполнила свою практическую задачу, а ея широкое распространеніе можетъ быть для него нежелательно; но его противники могутъ этого желать. По мнѣнію Коммисіи нѣтъ никакого основанія стѣснять въ этомъ отношеніи политическую борьбу, и слѣдовательно, нѣтъ надобности ограничивать распространеніе публичныхъ рѣчей исключительно журналами и газетами. Опубликованіе ихъ въ формѣ книгъ и брошюръ должно быть совершенно свободно.

Только сборники рѣчей одного оратора, судебнаго или политическаго, должны составлять предметъ авторскаго права. Такіе сборники (ихъ примѣры мы имѣемъ въ сборникахъ рѣчей Кони, Спасовича, Андреевскаго, Карабчевскаго, а также въ небольшомъ сборникѣ рѣчей Аладьина), не служа злобѣ дня, должны быть предоставлены свободному усмотрѣнію самого оратора.

Все вышесказанное не относится, однако, къ научнымъ лекціямъ или къ литературнымъ произведеніямъ, прочитаннымъ публично. Представляя собою продуктъ труда, обыкновенно не вознаграждаемаго или недостаточно вознаграждаемаго инымъ способомъ (нерѣдко публичная лекція произносится или литературное произведеніе публично читается съ благотворительной цѣлью), такая лекція или такое литературное произведеніе, чтеніе котораго не составляетъ общественной обязанности лектора, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ мы сейчасъ говорили объ общественномъ служеніи, должно составлять пред-

меть авторскаго права и пользоваться защитою закона. Конечно, нельзя запретить газетамъ печатать отчетъ о публичной лекціи или публичномъ чтеніи. Но печатаніе такого отчета отдѣльной брошюрой является уже явнымъ посягательствомъ на права автора.

Отмѣтимъ, что наша редакція статей 35-й и 36-й составлена по аналогіи съ соотвѣтственными статьями германскаго закона.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Авторское право на музыкальныя произведеиія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Право публичнаго исполненія драматическихъ, музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Авторское право на художественныя произведенія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Авторское право на фотографическія произведенія.

Главы III — VI оставлены Коммиссіей Литературнаго Общества безъ разсмотрѣнія по причинамъ, указаннымъ въ предисловіи къ настоящей брошюрѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Издательскій договоръ.

Министерскій проектъ.

64. За отсутствіемъ соглашенія относительно срока изданія произведенія, издатель обязанъ выпустить его въ свѣтъ въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ и во всякомъ случаѣ не позднѣе **пяти лѣтъ** со дня заключенія договора или полученія рукописи, если она передана позднѣе. Если изданіе не послѣдуетъ въ теченіе **пяти лѣтъ**, то договоръ, по требованію автора, признается потерявшимъ силу.

Проектъ Коммиссіи Л. О.

64. За отсутствіемъ соглашенія относительно срока изданія произведенія издатель обязанъ выпустить его въ свѣтъ въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ и во всякомъ случаѣ не позднѣе **трехъ лѣтъ** со дня заключенія договора или полученія рукописи, если она передана позднѣе. Если изданіе не послѣдуетъ въ теченіе **трехъ лѣтъ**, то договоръ по требованію автора признается потерявшимъ силу.

Министерскій проектъ признаетъ пятилѣтній срокъ; Комиссія считаетъ его слишкомъ долгимъ. Онъ признаетъ правильнымъ соображеніе министра о томъ, что единообразный предѣльный срокъ для выпуска издателемъ въ свѣтъ пріобрѣтеннаго имъ произведенія невозможенъ въ виду того, что различныя категоріи сочиненій теряютъ свой интересъ въ различные сроки: публицистическая брошюра можетъ потерять свой интересъ черезъ 2—3 мѣсяца, тогда какъ объемистый лексиконъ можетъ сохранить таковой въ теченіе 5—6 и болѣе лѣтъ. Въ виду этого министерскій проектъ включаетъ въ текстъ законопроекта слова: „въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ“ и такимъ образомъ предоставляетъ суду значительный просторъ въ рѣшеніи вопроса, долженъ ли договоръ быть признаннымъ потерявшимъ силу вслѣдствіе нарушенія его подразумѣваемаго условія издателемъ. Комиссія не считаетъ возможнымъ устранить слова о „соотвѣтствующемъ обстоятельствамъ“ срокѣ, несмотря на ихъ неопредѣленность, и все-таки считаетъ трехлѣтній срокъ вполнѣ достаточнымъ, какъ срокъ максимальный, указанный закономъ на

случай отсутствія соотвѣтственнаго соглашенія. Если издатель пріобрѣтаетъ право на объемистое сочиненіе въ родѣ спеціальнаго лексикона, къ печатанію котораго онъ не можетъ приступить немедленно, то онъ всегда имѣетъ возможность оградить свое право включеніемъ въ договоръ соотвѣтственнаго условія; если онъ этого не дѣлаетъ, то черезъ 3 года, конечно, всякій подобный договоръ долженъ считаться расторгнутымъ, и авторъ долженъ имѣть право передать свою рукопись другому издателю.

Объемъ уступки права на изданія.

Министерскій проектъ.

71. **Уступка права на изданіе литературнаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права:**

1) на переводъ его на другіе языки;

2) на передѣлку повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму.

Проектъ Коммиссіи Л. О.

71. Исключается.

Ст. 71-я подлежитъ по мнѣнію Комиссіи исключенію въ виду наличности ст. 2-й въ редакціи комиссіи и 29-й въ редакціи министерской, оставленной комиссіею безъ измѣненія.

Измѣненія, производимыя министерскимъ проектомъ въ соотвѣтственныхъ статьяхъ закона о правѣ собственности на произведенія наукъ, словесности художествъ и искусствъ, улож. о нак. и угол. улож., и устава гражданскаго судопроизводства, Комиссія Литературнаго Общества признаетъ правильными.

Приложенie I.

Особое мнѣнie члена Комиссiи Е. П. Семенова.

Я не стану повторять здѣсь того, на что я имѣлъ честь указывать въ своемъ сообщенiи, сдѣланномъ въ публичномъ засѣданiи С.-Петербургскаго Литературнаго Общества.

Для меня вопросъ стоитъ такъ: традицiонное отрицательное отношенiе русскихъ писателей къ литературнымъ конвенцiямъ, которое для меня дорого, какъ и всякая высокая традицiя,—въ настоящiй моментъ сталкивается съ важной этической задачей. Эту задачу ставитъ передъ нами на разрѣшенiе общественное мнѣнiе европейскихъ писателей. И разрѣшить ее необходимо.

И прежде всего можно и нужно себя спросить: требуетъ ли вѣрность традицiи отрицательнаго и теперь отношенiя къ литературнымъ конвенцiямъ, или, вѣрнѣе, къ присоединенiю къ международной Бернской конвенцiи.

Вѣдь, традицiя заключается въ отстаиванiи и защитѣ интересовъ просвѣщенiя и культуры русскаго народа. Присоединенiе къ конвенцiи, упраздненiе свободы переводовъ было въ прошломъ вредно и опасно для русской культуры и просвѣщенiя. Но такъ ли обстоитъ дѣло теперь? Если бы мнѣ доказали, что—такъ, я безъ всякихъ колебанiй присоединился бы къ большинству Комиссiи. Но доказать этого положенiя не удалось, и я остаюсь при своемъ отдѣльномъ мнѣнiи.

Мои противники выставляютъ противъ литературной конвенцiи тѣ же аргументы, что и ихъ предшественники 9 лѣтъ тому назадъ.

Но уже и тогда на нѣкоторые изъ этихъ аргументовъ были сдѣланы основательныя возраженiя. Такъ, напримѣръ, и тогда уже говорили, что „въ актѣ перевода нѣтъ момента труда самого автора", а В. В. Водовозовъ говоритъ и сейчасъ другими словами, что переводъ есть самостоятельный трудъ, такъ какъ въ переводѣ нѣтъ момента труда автора: къ подлинному его произведенiю, за которое онъ получаетъ при изданiи законное вознагражденiе, прибавляется новый умственный трудъ исключительно постороннихъ автору лицъ: переводчиковъ.

Еще С. Н. Южаковъ на это возражалъ (въ Союзѣ Писателей), что съ такимъ же основанiемъ можно говорить, что въ „актѣ контра-

факціи нѣтъ момента труда автора... и т. д."; „въ актѣ драматизированія повѣсти нѣтъ момента труда автора" и т. д.; „въ актѣ позаимствованія изъ чужихъ произведеній нѣтъ момента труда автора" и т. д. и т. д. Такъ можно легко доказать отсутствіе какихъ-либо правъ у самого автора, передавъ ихъ торжественно и благородно всѣмъ обработывающимъ, передѣлывающимъ и поддѣлывающимъ произведенія человѣческаго ума, къ которымъ мы, однако, всѣ относимся съ должнымъ уваженіемъ и осторожностью. Правда, большинство стоящихъ на только что указанной точкѣ зрѣнія прибавляетъ, что переводъ есть не вполнѣ самостоятельный трудъ, а что въ немъ къ труду автора прибавляется еще новый самостоятельный трудъ. Но разъ прибавляется только „новый самостоятельный трудъ", то, значитъ, старый наличный трудъ имѣется, и его упразднить ни въ смыслѣ идеи, ни въ смыслѣ вознагражденія нельзя.

Разумѣется, о самостоятельномъ творчествѣ въ переводныхъ стихотворныхъ, поэтическихъ произведеніяхъ спорить не стану: въ этомъ пунктѣ въ Комиссіи разногласія не оказалось.

Далѣе. Аргументъ, по которому Россія, дескать, не одна не заключаетъ конвенцій, также устарѣлъ. Она, дѣйствительно, не одна, но съ ея исключительной свободой переводовъ компанію ей составляютъ Турція и Египетъ. Что касается другихъ странъ, онѣ всѣ постепенно входятъ въ семью цивилизованныхъ государствъ, признавшихъ конвенціонный режимъ и живущихъ въ немъ.

Вотъ списокъ странъ, признавшихъ Бернскую конвенцію, со дня вступленія ея въ силу *): Германія, Бельгія, Испанія съ колоніями, Франція съ Алжиромъ и колоніями, Великобританія съ колоніями и владѣніями, Гаити и Италія. Къ нимъ присоединились: Японія (15 іюля 1899 г.), Люксембургъ (20 іюня 1888 г.), Монако (30 мая 1889 г.), Норвегія (13 апрѣля 1896 г.), Данія (1 іюля 1903 г.), Швейцарія (со дня вступленія въ силу конвенціи), Тунисъ (id) и Швеція (1 августа 1904 г.). Что касается Австріи, то она отказалась отъ своей прежней политики свободы переводовъ и закономъ 26 февраля 1907 г. признала, если еще не взаимную конвенціонную защиту, то взаимную дипломатическую, сводящуюся къ признанію защиты правъ иностранныхъ авторовъ простымъ распоряженіемъ министра юсти-

---

*) Подписана она въ Бернѣ 9-го сентября 1886 г., вступила въ силу 5-го декабря 1887 г. Добавочный актъ подписанъ 4-го мая 1896 г. въ Парижѣ, а вступилъ въ силу 9-го декабря 1897 г.

ціи для тѣхъ странъ, гдѣ защищены права австрійскихъ авторовъ. Съ Германіею Австрія заключила отдѣльный договоръ еще въ 1899 г. (30-го декабря). Въ Греціи произведенія иностранцевъ защищены въ продолженіе 15 лѣтъ. Но и въ Греціи, и въ Англіи, и въ Румыніи движеніе въ пользу дальнѣйшаго усиленія конвенціоннаго режима продолжается, какъ и въ Сѣверн. Соединен. Штатахъ, гдѣ въ настоящее время идетъ пересмотръ такъ наз. *Copyright* въ пользу приближенія этой, хотя несовершенной, но все же законной защиты произведеній иностранныхъ авторовъ, къ режиму европейскихъ государствъ. Въ Канадѣ конвенціонный режимъ введенъ простымъ рѣшеніемъ судебной палаты въ Монреалѣ, 28 іюня 1906 г.

То обстоятельство, что конвенціонный режимъ различно и въ разное время вводился и вводится въ разныхъ странахъ, показываетъ только одно, а именно, что несмотря на разнообразіе условій, цивилизацій и т. п., всѣ страны приближаются фатально къ тому же режиму международной солидарности и въ этой области и что постепенно въ понятіе защиты авторскаго права входятъ и конвенціонный международный элементъ.

Я не намѣренъ утруждать вашего вниманія повтореніемъ аргументовъ большинства Совѣщанія 1906 г. (подъ предсѣдательствомъ тогдашняго тов. министра, временно управлявшаго Министерствомъ Торговли и Промышленности, М. М. Федорова, нынѣшняго редактора газеты „Слово“), но я рекомендовалъ бы всѣмъ интересующимся вопросомъ прочитать Журналъ этого Совѣщанія. Въ немъ меньшинство высказало тѣ же аргументы, что и противники конвенціи 10 лѣтъ тому назадъ и что теперь повторяютъ наши противники. Послѣдніе однако прибавляютъ новый аргументъ совершенно оригинальнаго хронологическаго, я бы сказалъ—анахроническаго характера! „Если бы этотъ законъ охраны переводовъ существовалъ,—говорятъ они,—60 лѣтъ тому назадъ, то такого-то автора нельзя было бы пропечатывать, того переводить. Вообще эти ссылки на то, что было бы 60 или даже 10, или даже 5 лѣтъ тому назадъ, если бы конвенція существовала при разсмотрѣніи закона, который долженъ быть примѣненъ теперь или въ будущемъ въ вѣчно мѣняющейся, движущейся, быстро развивающейся жизни, въ которой приспособленіе къ новымъ формамъ, къ новымъ потребностямъ идетъ болѣе или менѣе вровень съ ихъ возникновеніемъ, эти ссылки,—говорю я,—непріемлемы, ибо онѣ ничего не доказываютъ въ области не прошлаго, а настоящаго, а особенно будущаго. Такъ же неосновательны и

непріемлемы указанія на переводы Маркса на разстояніи четверти вѣка. На разстояніи такого періода времени самая, напримѣръ, терминологія должна была и могла только установиться, и была, или не была бы конвенція, а переводы Маркса въ случаѣ свободы отъ цензуры были бы не чаще и не рѣже, чѣмъ того требовала бы потребность въ нихъ.

Но, повторяю, я не стану останавливаться на всѣхъ старыхъ и извѣстныхъ аргументахъ за и противъ свободы переводовъ. Всѣ они сводятся къ двумъ категоріямъ: этической и матеріальной.

Въ этической сторонники конвенціи и большинство противниковъ согласны: пользоваться произведеніями авторовъ иностранныхъ государствъ, не платя за нихъ, не защищая ихъ, особенно послѣ того, какъ наши авторы нашли способъ защищать свои права и практикуютъ его,—этого, разумѣется, допустить, какъ нормальное явленіе, нельзя. Но, прибавляютъ тутъ же противники наши: 1) насъ сравнительно мало читаютъ за границею, и этическая сторона вопроса уже не такъ страшна; 2) конвенція приведетъ къ монополіи издателей, а, стало быть, принесетъ ущербъ классу переводчиковъ, вызоветъ вздорожаніе книги, а, стало быть, и уменьшеніе ея распространенія и окажется вредной для культуры и просвѣщенія народа.

Первый пунктъ опять-таки является анахронизмомъ. Теперь русскихъ писателей читаютъ не менѣе, если не болѣе другихъ. Толстой, Достоевскій, Горькій, Андреевъ читаются вездѣ. И если такой демократическій писатель, какъ авторъ Sousoff, la Colonne, Oiseaux de Passage и др., Люсьенъ Декавъ, разразился нѣсколько лѣтъ тому назадъ статьей въ Echo de Paris противъ наводненія французскаго рынка иностранными, а главнымъ образомъ русскими писателями, то можно ли удивляться слѣдующей жалобѣ Мюнхенскаго еженедѣльника Bläter für Bücherfreunde въ его обзорѣ переводамъ изъ русской литературы, появившимся въ Германіи и Австріи въ 1907 г. отдѣльными изданіями или въ періодической печати.

Оказывается, что ни одинъ изъ нашихъ болѣе или менѣе талантливыхъ писателей и поэтовъ не обойденъ нѣмецкой литературой, а многіе изъ нихъ переведены за прошлый годъ по нѣсколько разъ. Начиная съ гр. Льва Толстого и кончая Александромъ Блокомъ, русская современная литература почти in corpore фигурируетъ передъ нѣмецкой публикой въ болѣе или менѣе удачныхъ переводахъ, вызывая большой интересъ со стороны читателей и многочисленныя статьи со стороны критики. „Ничего

подобнаго, — кончаетъ названный еженедѣльникъ, — не замѣчается въ Россіи по отношенію къ нашей нѣмецкой литературѣ. Тамъ изъ нашихъ современныхъ художниковъ слова извѣстны всего трое-четверо: остальныя славныя имена для русскаго читателя—пустой звукъ" („Изв. книжн. маг. М. О. Вольфъ", № 3, 1908).

Такое новое положеніе русской литературы на міровомъ рынкѣ устраняетъ всѣ старые аргументы идейнаго и матеріальнаго свойства, которые наши оппоненты извлекали всегда изъ слабости распространенія произведеній русскихъ авторовъ въ сравненіи съ распространеніемъ иностранныхъ произведеній у насъ въ Россіи.

Перехожу къ второму пункту: монополіи, вздорожанію книгъ и т. д.

Этотъ аргументъ былъ бы наиболѣе серьезенъ и убѣдителенъ, если бы онъ былъ правиленъ. Но дѣло въ томъ, что онъ теоретически полонъ натяжекъ и фактически невѣренъ. Монополія уже потому не можетъ явиться результатомъ конвенціи, что то, что называютъ монополіей, существуетъ и теперь и все болѣе и болѣе развивается безъ и помимо конвенціи: Мирбо, Горькій, Андреевъ, Зудерманъ и др. устраиваются, благодаря способу, на который я уже указывалъ, такъ, что помимо и безъ конвенцій, они продаютъ исключительное право перевода тому или иному переводчику и издателю. И это чисто анархически хищническое явленіе безъ конвенціи будетъ все болѣе и болѣе развиваться. пока не вызоветъ полное, глубокое отвращеніе даже у самыхъ ярыхъ противниковъ конвенціи—этого во всякомъ случаѣ законно организованнаго регулятора международныхъ литературныхъ отношеній. Въ это анархическое движеніе внѣ конвенціонныхъ закрѣпощеній войдутъ и журналы, какъ вошли альманахи, дающіе „переводы съ рукописи". Издатели книгъ и издатели журналовъ имѣютъ уже и будутъ имѣть своихъ собственныхъ переводчиковъ. И въ этой области произойдетъ, какъ уже происходятъ сейчасъ, разныя перемѣны и перемѣщенія силъ, какъ и они происходятъ во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности при новыхъ условіяхъ—юридическихъ и иныхъ—осуществленія и овеществленія человѣческаго труда. Цѣлесообразнѣе, разумнѣе, вообще говоря, ввести конвенціонный режимъ, т. е. порядокъ и законъ въ эту область, гдѣ нынѣ царитъ полная анархія.

Въ первый моментъ послѣ заключенія конвенціи произойдутъ, можетъ быть, нѣкоторыя пертурбаціи въ отношеніи переводчиковъ

къ авторамъ и издателямъ. Но и онѣ будутъ менѣе значительны, чѣмъ это можно ждать, ибо эти „будущія“ отношенія уже устанавливаются. И въ этой области жизнь опережаетъ писанный законъ.

Самый важный аргументъ противниковъ конвенціи — это указаніе на то, что конвенція вызоветъ вздорожаніе книги и окажется вредной для культуры страны. Если бы этотъ аргументъ былъ вѣренъ, то его однако достаточно было бы, чтобы отказаться отъ всякой конвенціи.

Но этотъ аргументъ не выдерживаетъ серьезной критики.

Издатель, получившій исключительное право на изданіе перевода книги на срокъ (какъ это обыкновенно дѣлается: на 2, 3 года) имѣетъ возможность, зная свой (русскій) рынокъ и не боясь конкуренціи, издать лучше и въ большемъ количествѣ экземпляровъ, чтобы сохранить по возможности за собою рынокъ и по истеченіи конвенціоннаго срока. Это соображеніе подтверждается жизнью и практикой странъ, присоединившихся къ конвенціи. Дорогія изданія имѣются и въ конвенціонныхъ и не конвенціонныхъ странахъ и не отъ конвенціи это зависитъ, а отъ состоянія и условій книжнаго рынка въ данный моментъ, въ данной странѣ. Я просмотрѣлъ массу каталоговъ (разныхъ странъ), присланныхъ мнѣ изъ Франціи и обязательно представленныхъ мнѣ въ издательскомъ домѣ Тов. Вольфъ въ Петербургѣ, и я убѣдился, что во всѣхъ странахъ переводы не только не дороже книгъ оригинальныхъ данной страны, но издаются, какъ и книги данной страны, и по обычнымъ, и по среднимъ и по удешевленнымъ цѣнамъ, существующимъ и на оригинальныя, и на переводныя изданія данной страны. Намъ указали на разницу въ цѣнахъ въ нѣкоторыхъ издательскихъ фирмахъ, въ Германіи, но это обстоятельство съ вопросомъ о конвенціи не связано: не касаясь вопроса, кто изъ упомянутыхъ писателей выше, или талантливѣе, можно только сказать, что одинъ оказался болѣе моднымъ, а потому при отсутствіи одной какой-нибудь цѣны (какъ, напримѣръ, во Франціи, въ 3 фр. 50 сант. за обыкновенное произведеніе извѣстнаго формата) болѣе моднаго писателя продаютъ дороже (какъ въ данномъ случаѣ Горькаго), чѣмъ менѣе нашумѣвшаго. Въ общемъ же на всѣ вопросы и анкеты въ конвенціонныхъ странахъ получается одинъ отвѣтъ: конвенціи на вздорожаніе книгъ не повліяли.

Подтвержденіе этому факту мы видимъ въ томъ, что переводы иностранныхъ авторовъ, повторяю, имѣются во всѣхъ

видахъ изданій, напримѣръ, во Франціи, начиная съ изданія въ 3 фр. 50 сант,, проходя черезъ изданія въ 2 фр., 1 фр., 60 сант. и кончая даже изданіями въ 10 сантимовъ. Это обстоятельство видно и извѣстно всѣмъ и безъ спеціальной статистики, которой пока еще нѣтъ. Но о необходимости послѣдней я поднялъ вопросъ передъ Бернскимъ Бюро. Тамъ мнѣ указали на единственную имѣющуюся по этому вопросу статистику, именно въ Швеціи, благодаря трудамъ Шведскаго Общества Писателей. Это Общество въ своемъ адресѣ королю отъ 12 декабря 1894 г., настаивало на необходимости заключенія Литературной конвенціи. Логика развитія общаго права, справедливость по отношенію къ своимъ писателямъ,—говорилось въ адресѣ,— нужды шведской литературы, здоровое воспитаніе публики, доброе имя страны *), необходимость дать толчокъ общему чувству справедливости—все это требуетъ продолженія практики конвенцій и присоединенія къ Бернской конвенціи. „Да и вообще,— прибавляли писатели,—какая непослѣдовательность вводить въ законы принципъ, что обкрадывать иностранца преступно, за исключеніемъ случаевъ, когда этотъ иностранецъ писатель или художникъ". Писатели подкрѣпляли свои этическія и юридическія соображенія цыфрами о движеніи своего книжнаго рынка; они доказывали, что частичныя конвенціи (съ Франціей и Италіей) не привели вовсе къ вздорожанію переводныхъ произведеній французскихъ и итальянскихъ авторовъ. Они взяли нѣсколько самыхъ популярныхъ писателей этихъ странъ (де-Амичисъ, Бурже, Доде, Фейлье, Гревиль, Лоти, Мопассанъ, Зола) и сравнили цѣны на ихъ произведенія до и послѣ заключенія конвенціи (въ 1884 г.), и оказалось, что въ громадномъ большинствѣ случаевъ (6 и 8) переводы произведеній этихъ писателей продавались дешевле послѣ конвенціи, чѣмъ до конвенціи. Этотъ случай, вѣроятно, и имѣли въ виду гг. Пиленко и Пергаментъ (первый своимъ заявленіемъ на Совѣщаніи 1906 г., второй въ своей рѣчи у насъ въ Обществѣ), когда они ссылались на Швецію, какъ на страну, гдѣ конвенція вызвала удешевленіе книгъ и переводовъ. Мнѣ кажется, что одинъ случай статистики (только Швеція), и при томъ столь неполный,—не даетъ еще

*) Шведскіе писатели требовали присоединенія къ Бернскому Союзу, не желая, чтобы Швецію называли полуварварской страной, націей пиратовъ, литературныхъ воровъ и т. д.

намъ права утверждать, что конвенція ведетъ къ удешевленію переводовъ. Но онъ даетъ намъ право лишній разъ повторить, что онъ только подтверждаетъ ту общую картину *), то общее положеніе, что конвенція не ведетъ къ вздорожанію книги, а стало быть не можетъ оказаться вредной ни для культуры, ни для просвѣщенія данной страны. А разъ это такъ, разъ литературная конвенція, или вѣрнѣе, принятіе международнаго закона, присоединеніе къ Бернской конвенціи не нарушаетъ интересовъ культуры и просвѣщенія народа и стало быть не идетъ въ разрѣзъ съ идейными традиціями нашей среды, нашего общества, то во всей своей силѣ остается императивный категорическій нашъ аргументъ этическаго характера.

Русскіе литераторы не имѣютъ больше высшихъ уважительныхъ причинъ отстаивать свободу переводовъ, они не могутъ отстаивать дальше такого положенія при которомъ самые модные ихъ собраты,—остающіеся, что бы тамъ ни говорили, русскими писателями,—защищаютъ за границею свои авторскія права на переводы въ то время, какъ иностранные писатели этой защиты въ Россіи не имѣютъ.

Господа, мы не имѣемъ больше оправданія въ томъ, что, какъ говорятъ въ Европѣ, мы продолжаемъ быть „литературными ворами“, „пиратами“... Эта репутація, это положеніе должны, наконецъ, прекратиться.

Мы должны присоединиться къ европейской семьѣ литературныхъ обществъ и высказаться категорически за присоединеніе къ Бернской конвенціи. Послѣднее предпочтительнѣе отдѣльныхъ конвенцій съ отдѣльными государствами, такъ какъ вводитъ въ эту сферу больше правопорядка и гарантируетъ защиту авторскаго права отъ временныхъ политическихъ, торговыхъ и иныхъ настроеній правительства и вводитъ режимъ, который правильно въ опредѣленные сроки (каждыя 10 лѣтъ) подвергается международному пересмотру. Въ послѣдній разъ конференція Бернскаго Литературнаго Союза должна была собраться въ Берлинѣ въ 1906 году, но съѣздъ былъ отложенъ и соберется въ октябрѣ нынѣшняго года.

Интересно, чтобы отношеніе къ поднятому вопросу опредѣлилось до съѣзда въ Берлинѣ.

Россія уже во всякомъ случаѣ оффиціально на немъ при-

---

*) Я имѣю всѣ вышеупомянутые каталоги, и они къ услугамъ желающихъ ихъ просмотрѣть.

сутствовать не сможетъ, ибо всѣ правительства уже назначили своихъ делегатовъ на октябрьскій съѣздъ. Но благопріятное рѣшеніе вопроса въ пользу присоединенія въ Бернской конвенціи могло бы дать намъ право имѣть неоффиціальныхъ представителей, которые защищали бы на съѣздѣ интересы литературы и съ точки зрѣнія нашихъ спеціальныхъ интересовъ (уменьшеніе сроковъ авторскаго права и т. п.).

Говорю объ этомъ съѣздѣ съ точки зрѣнія, впрочемъ, чисто справочной. Главный принципіальный вопросъ важнѣе и не терпитъ отлагательства.

Мы должны перестать быть „литературными пиратами", хотя бы и поневолѣ и bona fide!

Апрѣль 1908 г.

Приложенiе II.

Особое мнѣнiе члена Коммиссiи С. Ф. Либровича

(По поводу ст. 18 проекта).

Я нахожу неосновательнымъ требованiе, чтобы лицо, прiобрѣвшее авторское право, обязано было послѣ смерти писателя на всякiя измѣненiя и дополненiя испрашивать разрѣшенiе наслѣдниковъ (§ 18). Не говоря уже о затрудненiяхъ, которыя могутъ встрѣтиться при розыскѣ наслѣдниковъ, и вызванной этимъ задержкѣ въ выпускѣ новаго изданiя,—разрѣшенiе наслѣдниковъ тѣмъ болѣе неумѣстно, что они, по большей части являются некомпетентными судьями и своими запрещенiемъ или поставленными условiями могутъ помѣшать распространенiю превосходныхъ сочиненiй, нуждающихся, однако, безусловно въ исправленiяхъ и дополненiяхъ (напр., сочиненiя по техникѣ, медицинѣ и др. наукамъ, сокращенныя изданiя для юношества и народа и т. д.). Въ итогѣ же „разрѣшенiе“ сведется къ тому, что лицо, прiобрѣвшее авторское право, будетъ вынуждено лишь платить дополнительный гонораръ за предоставленiе разрѣшенiя и, притомъ, не только наслѣдникамъ по восходящей и нисходящей линiи (какъ указано въ § 6), но наслѣдникамъ вообще. Въ свою же очередь эти добавочные гонорары удорожатъ многiя изданiя. Считаю нелишнимъ упомянуть, что на неумѣстность требованiя „разрѣшенiя наслѣдниковъ“ указывалось уже въ Союзѣ Писателей въ 1890 г. при обсужденiи законопроекта объ авторскомъ правѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Проектъ Министра Юстиціи.

Проектъ Министра Юстиціи объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя, художественныя и фотографическія произведенія.

На основаніи соображеній, приведенныхъ въ объясненіяхъ къ проекту, предполагается внести нижеслѣдующія измѣненія и дополненія въ дѣйствующія узаконенія:

А. По своду законовъ гражданскихъ (свод. зак., т. X ч. I, изд. 1900 г.).

I. Примѣчаніе 2 (ч. 1) къ ст. 420, статьи 1 и примѣчаніе къ ней, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 23, 24, 25, 28 и примѣчаніе къ ней, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50 приложенія къ ст. 420 (примѣчаніе 2), статью 1185 и примѣчаніе къ ней замѣнить нижеслѣдующимъ Положеніемъ объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя, художественныя и фотографическія произведенія:

Положеніе объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя, художественныя и фотографическія произведенія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія положенія.

1. Авторское право распространяется:

1) на литературныя произведенія, какъ письменныя, такъ и изустныя (рѣчи, лекціи, рефераты, проповѣди и т. п.);

2) на музыкальныя произведенія, въ томъ числѣ и на музыкальныя импровизаціи;

3) на художественныя произведенія (произведенія живописи, ваянія и зодчества),

и 4) на фотографическія и подобныя имъ произведенія.

2. Автору принадлежитъ исключительное право всѣми возможными способами воспроизводить, опубликовывать и распространять свое произведеніе.

3. Не считается нарушеніемъ авторскаго права пользованіе чужимъ произведеніемъ для созданія новаго произведенія, существенно отъ него отличающагося, а равно снятіе копій съ чужого произведенія исключительно для личнаго употребленія и безъ помѣщенія притомъ въ копіяхъ художественнаго произведенія подписи или монограммы художника.

4. Авторское право признается:

1) въ отношеніи произведеній, появившихся въ свѣтъ въ Россіи или находящихся еще не въ опубликованномъ видѣ,— за всѣми авторами и правопреемниками ихъ независимо отъ ихъ подданства;

2) въ отношеніи произведеній, появившихся въ свѣтъ за границей,—за авторами, состоящими въ русскомъ подданствѣ, и за ихъ правопреемниками, хотя бы послѣдніе были иностранными подданными.

5. Авторское право на произведеніе, составленное совокупно нѣсколькими лицами и образующее одно нераздѣльное цѣлое, принадлежитъ всѣмъ авторамъ, причемъ имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе правила объ общей собственности.

6. Авторское право послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ по закону или по завѣщанію.

7. Если авторъ не распорядился при жизни своимъ авторскимъ правомъ и послѣ него не осталось наслѣдниковъ по закону или по завѣщанію, то авторское право прекращается со дня смерти автора.

Авторское право послѣ смерти одного изъ авторовъ произведенія, составленнаго совокупно нѣсколькими лицами, переходитъ, если умершій не распорядился своимъ авторскимъ правомъ при жизни и не оставилъ наслѣдниковъ по закону или по завѣщанію, къ остальнымъ авторамъ того произведенія.

8. Договоръ объ отчужденіи авторскаго права долженъ быть изложенъ на письмѣ.

9. Авторское право не можетъ быть предметомъ взысканія: при жизни автора—безъ его согласія, а послѣ его смерти—безъ согласія его наслѣдниковъ.

10. Авторское право на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія принадлежитъ автору въ теченіе всей его жизни, а наслѣдникамъ или инымъ правопреемникамъ его въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени смерти автора.

Авторское право на фотографическія и подобныя имъ произведенія ограничивается пятью годами со времени ихъ изготовленія.

11. Срокъ авторскаго права для правопреемниковъ автора въ случаѣ составленія произведенія совокупнымъ трудомъ

нѣсколькихъ лицъ, исчисляется со времени смерти автора, пережившаго остальныхъ.

12. Составители сборниковъ народныхъ пѣсенъ и мелодій, пословицъ, сказокъ, повѣстей, былинъ и тому подобныхъ произведеній народнаго творчества, сохранившихся въ изустномъ преданіи, а равно составители сборниковъ рисунковъ и иныхъ произведеній народнаго искусства, пользуются авторскимъ правомъ на эти сборники въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени ихъ изданія.

Право это не препятствуетъ другимъ лицамъ составлять и издавать самостоятельные сборники тѣхъ же произведеній.

13. Издатели газетъ, журналовъ и другихъ повременныхъ изданій, а также энциклопедическихъ словарей, альманаховъ и инаго рода сборныхъ изданій, составленныхъ изъ отдѣльныхъ произведеній различныхъ авторовъ, имѣютъ исключительное право повторять эти изданія въ той же формѣ въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени выхода ихъ въ свѣтъ. Правило это имѣетъ соотвѣтственное примѣненіе къ повременнымъ и сборнымъ изданіямъ академій, университетовъ и вообще ученыхъ, учебныхъ и другихъ установленій и обществъ.

Всякій сотрудникъ изданія, составленнаго изъ произведеній различныхъ авторовъ, имѣетъ авторское право на свое отдѣльное произведеніе, если противное не установлено въ договорѣ. Однако, авторы такихъ отдѣльныхъ сочиненій не могутъ, безъ согласія издателя, перепечатывать ихъ до истеченія трехъ мѣсяцевъ со времени помѣщенія этихъ произведеній въ указанныхъ изданіяхъ.

14. При исчисленіи срока авторскаго права со времени выхода въ свѣтъ произведенія, издаваемаго отдѣльными томами или выпусками, означенный срокъ исчисляется со времени выхода въ свѣтъ послѣдняго тома или выпуска.

Это правило примѣняется лишь въ случаѣ изданія отдѣльныхъ томовъ или выпусковъ въ промежутки не свыше двухъ лѣтъ. Въ противномъ случаѣ срокъ авторскаго права считается со времени выхода въ свѣтъ каждаго отдѣльнаго тома или выпуска.

15. Издатель произведенія, выпущеннаго въ свѣтъ безъ означенія фамиліи автора (анонимнаго) или подъ вымышленнымъ именемъ (псевдонимнаго), пользуется авторскимъ на него правомъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ произведенія; но если до истеченія этого срока авторомъ либо правопреемниками его заявлено будетъ авторское право на произведеніе, то они вступаютъ въ свои права на общемъ основаніи сего закона.

16. При исчисленіи сроковъ авторскаго права, годъ смерти автора, а также годъ выпуска въ свѣтъ произведенія въ счетъ не принимаются, и срокъ считается съ 1 января слѣдующаго года.

17. При всякихъ разрѣшаемыхъ закономъ заимствованіяхъ изъ чужого произведенія обязательно указаніе автора и источника заимствованія.

18. Лицо, которому вполнѣ или въ части уступлено авторское право на произведеніе, не въ правѣ безъ согласія автора или его наслѣдниковъ издавать или публично исполнять это произведеніе съ дополненіями, или сокращеніями и вообще съ измѣненіями, кромѣ такихъ. вызываемыхъ явною необходимостью измѣненій, въ согласіи на которыя авторъ не могъ бы, по доброй совѣсти, отказать.

19. Лицо, умышленно или по неосторожности, нарушившее права автора или его правопреемниковъ, обязано вознаградить потерпѣвшаго за весь причиненный ему убытокъ.

20. Лицо, дѣйствовавшее добросовѣстно и нарушившее авторское право по извинительной ошибкѣ, отвѣтствуетъ предъ авторомъ или его правопреемниками лишь въ размѣрѣ полученной прибыли.

21. При опредѣленіи вознагражденія за убытки на основаніи статей 19 и 20 судъ, при соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, установляетъ размѣръ вознагражденія по справедливому усмотрѣнію.

22. Въ случаѣ противозаконнаго изданія, самовольно изданные экземпляры произведенія, а также орудія, изготовленныя исключительно для сего изданія, какъ то: стереотипные шрифты, доски, камни и прочее подвергаются, по требованію потерпѣвшей стороны, уничтоженію, или передаются ей по оцѣнкѣ въ возмѣщеніе причиненныхъ убытковъ, или же приводятся въ состояніе, негодное къ употребленію, и оставляются у ихъ собственника.

Если изданіе признано противозаконнымъ лишь относительно извѣстной части произведенія, и эта часть можетъ быть безъ особаго затрудненія отдѣлена отъ остальной, то только указанная часть произведенія уничтожается, приводится въ негодность или передается истцу.

Уничтоженію, приведенію въ негодность или передачѣ истцу подлежатъ всѣ самовольно изданные экземпляры и орудія, которые окажутся какъ у самовольнаго издателя, такъ и у книгопродавца, типографщика и вообще у лицъ, принимавшихъ участіе въ распространеніи этихъ экземпляровъ, а также у ихъ наслѣдниковъ.

23. Искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные нарушеніемъ авторскаго права, а также требованія, указанныя въ предыдущей статьѣ, могутъ быть предъявлены, по усмотрѣнію истца, въ порядкѣ гражданскаго судопроизводства безъ возбужденія уголовнаго дѣла.

24. Право на искъ о вознагражденіи за нарушеніе авторскаго права погашается за истеченіемъ пятилѣтняго срока давности со времени нарушенія права автора.

Возникающіе изъ нарушенія авторскаго права иски объ отобраніи самовольно изданныхъ экземпляровъ и орудій незаконнаго производства могутъ быть, въ предѣлахъ срока авторскаго права, предъявляемы, пока существуютъ самовольно изданные экземпляры и орудія, изготовленные для сего производства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Авторское право на литературныя произведенія.

25. Публичное изложеніе непоявившагося въ свѣтъ литературнаго произведенія или публикованіе содержанія такого произведенія безъ согласія автора не допускается.

26. Частныя письма, не предназначавшіяся авторомъ къ напечатанію, могутъ быть изданы въ свѣтъ лишь съ обоюднаго согласія автора и лица, которому они были писаны, въ случаѣ же смерти кого-либо изъ означенныхъ лицъ, съ согласія лицъ, имѣющихъ послѣ нихъ право наслѣдованія по закону. По истеченіи пятидесяти лѣтъ со времени смерти послѣдняго изъ лицъ, которыя вели между собою переписку, частныя письма могутъ быть издаваемы безъ испрошенія чьего-либо согласія.

27. Дневники и вообще всякія частныя записки, оставшіеся послѣ автора и не предназначавшіеся къ напечатанію не могутъ быть издаваемы до истеченія пятидесяти лѣтъ со времени смерти автора, безъ согласія лицъ, имѣющихъ послѣ него право наслѣдованія по закону.

28. Издатель древней рукописи пользуется авторскимъ правомъ на свое изданіе въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени выхода его въ свѣтъ; это право не препятствуетъ, однако, другимъ лицамъ издавать, въ самостоятельной обработкѣ, ту же рукопись.

29. Передѣлка повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму безъ согласія автора не допускается.

30. Перепечатка въ Россіи литературныхъ произведеній, изданныхъ за границею, не допускается безъ согласія лицъ, имѣющихъ по законамъ страны, въ которой были изданы эти произведенія, авторское на нихъ право, поскольку это право не простирается за предѣлы установленнаго статьями 10 и 11 срока авторскаго права.

31. Авторъ сочиненія, изданнаго въ Россіи, а также русскій подданный, напечатавшій свое сочиненіе за границею, пользуются исключительнымъ правомъ перевода его на другіе языки, если на заглавномъ листѣ или въ предисловіи сочиненія заявили о сохраненіи за собою этого права.

Исключительное право перевода принадлежитъ автору въ теченіе десяти лѣтъ со времени изданія подлинника, подъ

условіемъ напечатанія перевода авторомъ въ продолженіе пяти лѣтъ со времени изданія подлинника.

Обратный, на языкъ подлинника, переводъ съ перевода не допускается въ теченіе всего срока авторскаго права на подлинное произведеніе.

32. Произведенія, изданныя одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, признаются на всѣхъ этихъ языкахъ подлинниками.

33. Изданныя за границею сочиненія иностранныхъ подданныхъ, если противное не установленно въ договорахъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными государствами, могутъ быть переводимы въ Россіи на русскій или иные языки.

34. Переводчикъ пользуется авторскимъ правомъ на свой переводъ. Это право не препятствуетъ, однако, другимъ лицамъ переводить то же произведеніе.

35. Каждый въ правѣ печатать обнародованные надлежащимъ порядкомъ законы и правительственныя распоряженія и оффиціально опубликованные во всеобщее свѣдѣніе матеріалы къ нимъ, а также рѣшенія судебныхъ установленій и постановленія земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраній, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о цензурѣ и печати (св. зак., т. XIV, изд. 1890 г.).

36. Рѣчи, произнесенныя публично въ законодательныхъ учрежденіяхъ, въ судебныхъ установленіяхъ, въ земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ и вообще во всѣхъ публичныхъ собраніяхъ, могутъ быть печатаемы въ повременныхъ изданіяхъ безъ согласія автора. За авторомъ сохраняется, однако, право на изданіе какъ отдѣльныхъ рѣчей, такъ и сборника ихъ.

37. Въ литературныхъ произведеніяхъ допускаются небольшія выписки изъ появившихся уже въ свѣтъ чужихъ сочиненій или даже полная перепечатка чужихъ, незначительныхъ по объему произведеній, подъ условіемъ помѣщенія такихъ выписокъ или перепечатокъ въ сочиненіи болѣе значительнаго размѣра, составляющемъ самостоятельное цѣлое, или же въ хрестоматіяхъ и другихъ сборникахъ съ учебною, научною, либо технической цѣлью.

38. Въ газетахъ, журналахъ и прочихъ повременныхъ изданіяхъ допускается перепечатка изъ другихъ повременныхъ изданій сообщеній, извѣстій и вообще незначительныхъ по объему статей, за исключеніемъ произведеній изящной литературы, научныхъ и техническихъ; постоянныя перепечатки изъ одного и того же изданія воспрещаются.

39. Постановленія настоящей главы имѣютъ соотвѣтственное примѣненіе къ авторскому праву на географическія, топографическія, астрономическія и иного рода карты, глобусы, атласы, рисунки по естествознанію, строительные и другіе техническіе планы, рисунки, чертежи и тому подобныя произведенія, если по главной цѣли своей и назначенію такія произведенія не относятся къ числу художественныхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Авторское право на музыкальныя произведенія.

40. Авторское право на музыкальное произведеніе заключаетъ въ себѣ также исключительное право на составленіе и изданіе сокращеній, извлеченій, попурри изъ его музыкальнаго произведенія, а равно переложеніе его въ цѣломъ или въ части на отдѣльные инструменты или цѣлый оркестръ, а также на одинъ или нѣсколько голосовъ.

41. Не признается нарушеніемъ авторскаго права на музыкальное произведеніе: 1) изданіе варіацій, транскрипцій, фантазій, этюдомъ на цѣлое или часть чужого музыкальнаго произведенія или вообще заимствованіе изъ него, если всѣ эти сочиненія настолько уклоняются отъ оригинала, что могутъ быть разсматриваемы какъ новое и самостоятельное музыкальное произведеніе, и 2) приведеніе въ изданіяхъ съ учебною или ученою цѣлью, въ видѣ примѣровъ, отдѣльныхъ мѣстъ изданнаго или публично исполненнаго музыкальнаго произведенія.

42. Перепечатка въ Россіи изданныхъ за границей музыкальныхъ произведеній не допускается безъ согласія лицъ, имѣющихъ на нихъ авторское право, причемъ соотвѣтственно примѣняется постановленіе статьи 30.

43. Композиторъ можетъ воспользоваться для своего сочиненія текстомъ, заимствованнымъ въ части или въ цѣломъ изъ напечатаннаго уже литературнаго произведенія, подъ условіемъ изданія этого текста вмѣстѣ съ музыкальнымъ произведеніемъ.

Однако не разрѣшается, безъ согласія автора, изданіе вмѣстѣ съ музыкальнымъ сочиненіемъ литературнаго произведенія, написаннаго именно съ цѣлью служить текстомъ для музыкальнаго произведенія.

44. Авторское право на музыкальное произведеніе съ текстомъ, написаннымъ по заказу композитора, принадлежитъ въ цѣломъ его составѣ композитору, но право на отдѣльное изданіе такого текста имѣетъ, за отсутствіемъ иного соглашенія, авторъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Право публичнаго исполненія драматическихъ, музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній.

45. Авторское право на драматическое, музыкальное и музыкально-драматическое произведеніе заключаетъ въ себѣ также исключительное право публичнаго исполненія сихъ произведеній.

46. Право композитора на публичное исполненіе музыкальнаго произведенія охраняется лишь въ томъ случаѣ,

если имъ на каждомъ экземплярѣ музыкальнаго произведенія указано, что композиторъ оставилъ за собою это право.

47. Для публичнаго исполненія музыкальнаго произведенія съ текстомъ достаточно согласія композитора.

48. За самовольное публичное исполненіе драматическаго, музыкальнаго или музыкально-драматическаго произведенія, хотя бы исполненіе и было для публики безплатнымъ, лицо, нарушившее симъ авторское право, подвергается въ пользу автора взысканію въ размѣрѣ, опредѣляемомъ по справедливому усмотрѣнію суда.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Авторское право на художественныя произведенія.

49. Отчужденіе художникомъ художественнаго произведенія не переноситъ на пріобрѣтателя авторскаго права на это произведеніе.

50. Художнику принадлежитъ авторское право на произведенія, сдѣланныя имъ по закону другого лица, при чемъ однако, повторять и распространять портреты и бюсты художникъ въ правѣ лишь съ согласія лица, съ котораго написанъ портретъ или сдѣланъ бюстъ.

51. Собственникъ художественнаго произведенія не обязанъ допускать художника къ пользованію этимъ произведеніемъ для повторенія, размноженія или изданія его.

52. Снятіе копій съ художественнаго произведенія, пріобрѣтеннаго непосредственно отъ художника въ собственность для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ и вообще правительственныхъ или общественныхъ установленій, допускается, съ разрѣшенія подлежащей власти, и безъ согласія художника.

53. Признается нарушеніемъ авторскаго права на художественное произведеніе:

1) повтореніе, размноженіе или изданіе произведенія, въ цѣломъ или въ части: а) другимъ способомъ, относящимся къ тому же роду искусства и б) не только съ подлинника, но и съ копіи;

2) помѣщеніе произведенія въ подлинникѣ или въ копіи на публичной выставкѣ, вопреки прямому воспрещенію автора.

54. Не признается нарушеніемъ авторскаго права на художественное произведеніе:

1) изображеніе произведеній живописи средствами ваянія и, наоборотъ, произведеній ваянія средствами живописи;

2) помѣщеніе отдѣльныхъ изображеній художественныхъ произведеній въ литературномъ произведеніи, съ цѣлью поясненія его текста, если такія изображенія не составляютъ существенной части литературнаго произведенія;

3) повтореніе художественныхъ произведеній, находящихся на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, въ иной отрасли того же рода искусства, и

4) помѣщеніе отдѣльныхъ частей художественнаго произведенія въ издѣліяхъ заводской, фабричной и ремесленной промышленности.

55. Художникъ, въ удостовѣреніе принадлежащаго ему авторскаго права на художественное произведеніе, можетъ:

1) предъявить и записать художественное произведеніе у нотаріуса съ подробнымъ описаніемъ самаго произведенія и получить нотаріальную выпись въ доказательство своего авторскаго права на это произведеніе, и

2) извѣстить о семъ Императорскую Академію Художествъ съ приложеніемъ засвидѣтельствованной копіи съ упомянутой выписи. Полученное извѣщеніе публикуется Академіей во всеобщее свѣдѣніе.

Упомянутое въ пунктѣ 1 подробное описаніе произведенія можетъ быть замѣнено представленіемъ нотаріусу фотографическаго снимка.

Если предъявляемое художникомъ произведеніе значительной величины, то осмотръ его производится нотаріусомъ въ мастерской художника. Художественныя произведенія, издаваемыя и размножаемыя посредствомъ оттисковъ, представляются въ Академію въ двухъ экземплярахъ.

56. Опубликованіе авторомъ архитектурныхъ, инженерныхъ или иныхъ техническихъ плановъ, чертежей и рисунковъ не даетъ, само по себѣ, безъ особой о томъ оговорки автора, другимъ лицамъ права производить по нимъ постройки и сооруженія. За отсутствіемъ иного соглашенія, лицо, пріобрѣвшее отъ автора техническіе планы, чертежи или рисунки, имѣетъ право производить по нимъ постройки и сооруженія, но не можетъ, безъ согласія автора, переуступать этого права другимъ лицамъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Авторское право на фотографическія произведенія.

57. Къ фотографическимъ произведеніямъ примѣняются постановленія объ авторскомъ правѣ на художественныя произведенія съ нижеслѣдующими (ст. 58—60) отступленіями.

58. Для сохраненія за фотографомъ авторскаго права на фотографическія изображенія требуется означеніе на каждомъ фотографическомъ экземплярѣ:

1) фирмы или имени, фамиліи и мѣста жительства фотографа или издателя фотографіи, и

2) года изготовленія фотографическаго произведенія.

59. Повтореніе, размноженіе или изданіе фотографическаго произведенія въ томъ лишь случаѣ признается нарушеніемъ авторскаго права на это произведеніе, если сдѣлано механическимъ, химическимъ или инымъ подобнымъ способомъ, съ цѣлью распространенія сего произведенія.

60. Не признается нарушеніемъ авторскаго права на фотографическоепроизведеніе помѣщеніе его на публичной выставкѣ, а равно воспроизведеніе его, хотя бы цѣликомъ, въ издѣліяхъ промышленности заводской, фабричной и ремесленной.

61. Правила настоящей главы примѣняются не только къ фотографическимъ, но и къ другимъ подобнымъ фотографіи произведеніямъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Издательскій договоръ.

62. Въ силу издательскаго договора авторъ, уступившій другому лицу (издателю) право на одно или нѣсколько изданій своего произведенія, обязанъ предоставить для сего послѣднее въ распоряженіе издателя, который, съ своей стороны, обязанъ издать это произведеніе въ надлежащемъ видѣ и въ соотвѣтствующемъ (ст.65) количествѣ экземпляровъ и принять всѣ зависящія отъ него мѣры къ распространенію изданія.

63. Издатель, насколько это представляется необходимымъ для огражденія правъ его по издательскому договору, пользуется въ отношеніи какъ автора, такъ и третьихъ лицъ, авторскимъ правомъ на произведеніе, съ тѣми лишь изъятіями, которыя установлены въ законѣ или договорѣ.

64. За отсутствіемъ соглашенія относительно срока изданія произведенія, издатель обязанъ выпустить его въ свѣтъ въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ и во всякомъ случаѣ не позднѣе пяти лѣтъ со дня заключенія договора или полученія рукописи, если она передана позднѣе. Если изданіе не послѣдуетъ въ теченіе пяти лѣтъ, то договоръ, по требованію автора, признается потерявшимъ силу.

65. За отсутствіемъ соглашенія относительно числа изданій или количества экземпляровъ, издатель имѣетъ право на одно изданіе въ количествѣ 1200 экземпляровъ.

66. Издатель не въ правѣ вносить какія-либо дополненія, сокращенія и вообще измѣненія ни въ самое произведеніе, ни въ заглавіе его, ни въ обозначеніе на немъ автора, за исключеніемъ лишь такихъ, вызываемыхъ явною необходимостью, измѣненій, въ согласіи на которыя авторъ не могъ бы, по доброй совѣсти, отказать.

67. Авторъ, уступившій право на изданіе своего произведенія, имѣетъ право предпринять новое изданіе немедленно послѣ того, какъ уступленное имъ изданіе распродано. Автору принадлежитъ право выкупить отъ издателя оставшіеся нераспроданными экземпляры по цѣнѣ, назначенной для ихъ продажи при выпускѣ изданія въ свѣтъ.

Авторъ литературнаго произведенія можетъ во всякомъ случаѣ предпринять новое изданіе (ст. 64) по истеченіи пяти лѣтъ со дня уступки права на изданіе, а если уступлено право на нѣсколько изданій, то по истеченіи столькихъ пятилѣтій, сколько изданій уступлено.

68. Въ полномъ собраніи своихъ произведеній авторъ можетъ помѣстить и такія произведенія, право на изданіе коихъ уступлено имъ другимъ лицамъ, если со времени этой уступки (ст.64) прошло болѣе трехъ лѣтъ, а въ отношеніи музыкальныхъ и художественныхъ произведеній болѣе десяти лѣтъ.

Авторъ, однако, не въ правѣ продавать эти произведенія отдѣльно отъ полнаго собранія.

69. Авторъ, уступившій право на изданіе своего произведенія, можетъ вновь издать его, если оно настолько существенно переработано, что можетъ быть разсматриваемо какъ новое произведеніе.

70. Уступка права на изданіе драматическаго, музыкальнаго или музыкально-драматическаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права на публичное его исполненіе.

71. Уступка права на изданіе литературнаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права:

1) на переводъ его на другіе языки;

2) на передѣлку повѣствовательнаго произведенія въ драматическую форму или драматическаго произведенія въ повѣствовательную форму.

II. Статьи 21 и 27—отмѣнить, а статью 26—исключить.

Б. По уложенію о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ (свод. зак., т. XV, изд. 1885 г. и по прод. 1902 г.).

I. Примѣчаніе 2 къ ст. 158 изложить слѣдующимъ образомъ.

158. *Примѣчаніе 2.* Срокъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія по дѣламъ о присвоеніи авторскаго права на литературныя, музыкальныя, художественныя или фотографическія произведенія (ст. 1683) полагается двухлѣтній, а для истцовъ, находящихся за границею, четырехлѣтній.

II. Статьи 1683 (по прод. 1902 г.), 1684, 1685 и примѣчаніе къ ней замѣнить нижеслѣдующимъ постановленіемъ:

1683. Виновный въ самовольномъ нарушеніи чужаго авторскаго права на литературное, музыкальное, художественное или фотографическое произведеніе называется:

заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ или арестомъ отъ одного дня до трехъ мѣсяцевъ или денежнымъ взысканіемъ до пятисотъ рублей.

Если такое нарушеніе сего права учинено самовольнымъ изданіемъ или размноженіемъ, съ цѣлью сбыта, произведенія литературнаго,музыкальнаго, художественнаго или фотографическаго, то виновный наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ двухъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ или арестомъ отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ.

Если же виновный самовольно издалъ чужое литературное, музыкальное, художественное или фотографическое произведеніе подъ своимъ именемъ, то онъ наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ.

Примѣчаніе. Дѣла о преступныхъ дѣяніяхъ, означенныхъ въ сей (1683) статьѣ, начинаются не иначе, какъ по жалобѣ потерпѣвшаго вредъ или убытокъ.

В. По Высочайше утвержденному 22 Марта 1903 года уголовному уложенію.

Статью 620 изложить слѣдующимъ образомъ:

620. Виновный въ самовольномъ нарушеніи чужаго авторскаго права на литературное, музыкальное, художественное или фотографическое произведеніе наказывается:

арестомъ или денежною пенею не свыше пятисотъ рублей.

Если такое нарушеніе сего права учинено самовольнымъ изданіемъ или размноженіемъ, съ цѣлью сбыта, произведенія литературнаго, музыкальнаго, художественнаго или фотографическаго, то виновный наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ.

Если же виновный самовольно издалъ чужое литературное, музыкальное, художественное или фотографическое произведеніе подъ своимъ именемъ, то онъ наказывается:

заключеніемъ въ тюрьмѣ на срокъ не ниже трехъ мѣсяцевъ.

Г. По уставу гражданскаго судопроизводства (св. зак., т. XVI ч. I, изд. 1892 г.).

Статью 1040 изложить слѣдующимъ образомъ:

1040. Пріобрѣтеніе съ публичнаго торга картинъ, статуй и другихъ изящныхъ произведеній, а равно сочиненій и переводовъ, не даетъ перекупщику авторскаго права на означенныя художественныя, музыкальныя, литературныя или фотографическія произведенія.

Подписалъ:

Министръ Юстиціи *Щегловитовъ.*

Скрѣпилъ:

Директоръ Перваго Департамента

Веревкинъ.

Оглавленіе.

Приложенія:

Цѣна 50 коп.

